

ФАНТАСМАГОРИЯ (греческое phantasma) - нечто нереальное, причудливые видения, бредовые фантазии.

ВО ВСЁМ ВИНОВАТ ГОГОЛЬ
Комедия с элементами фантасмагории

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЗИБЕК – гастарбайтер, работающий в качестве «живой рекламы» в костюме Носа. Совершенно не говорит по-русски.

РИТА – журналистка, служащая конкретным примером того, к чему порой могут привести прогулки по Невскому проспекту.

РЕЖИССЁР – режиссёр, имевший неосторожность однажды зайти в кафе, после чего и началась эта история.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА – герой повести Гоголя «Нос», поневоле и совершенно невероятным образом, оказавшийся замешанным в происходящих событиях.

ЯНОВСКИЙ - если бы ему усы и чуть подлиней волосы, то был бы очень похож на Гоголя.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ – никогда не расстаётся со шкатулкой из красного дерева.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – хозяин трактира, совсем не похож на Гоголя, что его очень расстраивает.

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО (ГЕНЕРАЛ) – значительная особа, недавно произведённая в генеральский чин. Поэтому его часто можно застать напротив зеркала отработывающим на все лады фразу – «Что вам надо?»

СЕКРЕТАРЬ - секретарь Значительного лица. Всегда в курсе последних сплетен и новостей в столице.

СЛЕДОВАТЕЛЬ - очень ответственный работник, искренне пытавшийся разобраться во всей этой истории.

1.

ПРОЛОГ.

ПЕРВЫЙ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Звучит фонограмма телефонного разговора. Разговор происходит на узбекском языке. Сопровождается синхронным переводом на русский.

- Алё! Алё! Ты меня слышишь? Алё!

- Сейчас... надо повернуть телефон... у меня микрофон немного не работает. Так слышно?

- Я тебе сообщение посылал. Почему не ответил?

- У меня экран немного треснул. Не видно, что написано.

- Я тебе ещё и звонил. Почему не ответил?

- У меня звонок на телефоне плохо работает. Не слышно.

- Почему тогда сам не позвонил?
- Я пытался, но у меня экран немного треснул и цифры не видно.
- Алё! Опять пропал. Не слышу. Алё!
- А так слышно? А так...
- Ты понимаешь, что сорвал заказ? Алё! Да...
- Алё! Говорите. Сейчас слышу хорошо. У меня звук иногда пропадает.
- Всё! Пока не купишь новый телефон, вообще не приходи на работу.
- Зачем новый? Этот ещё хороший. Только немного экран треснул.
- Сегодня же чтобы вернул костюм. Ты меня вообще слышишь?
- Деньги тоже сегодня получу?
- Штраф ты сегодня получишь. Это не я тебе, а ты мне должен. Алё!
- Так слышно?
- Алё!
- А так слышно?..

Сигнал отсутствия связи

2.

ПЕРВАЯ СЦЕНА В КАФЕ.

ПОЯВЛЕНИЕ ЯНОВСКОГО И ПАВЛА ИВАНОВИЧА

Небольшое полуподвальное кафе, оформленное под трактир.

Входят Яновский и Павел Иванович.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Добрый день.

ЯНОВСКИЙ (*оглядывает внимательно помещение*). Добрый...

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Рады приветствовать вас в нашем историческом кафе.

Кстати, заказавшим наше фирменное блюдо, фотография с гением отечественной литературы – бесплатно! (*Замечает растерянность посетителей.*) Ах, секундочку, простите... (*Надевает цилиндр с прикреплённым к нему париком, накидывает на себя «крылатку».*) А так? Теперь, надеюсь, узнали? Смотрим внимательно... Ну?

(*Декламирует.*) «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?..» Ну?

ЯНОВСКИЙ. Николай Васильевич...

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Господи! Как вы меня порадовали. Сразу видно образованного человека. Я вообще не представляю, как можно не узнавать Гоголя. Их что, вообще уже ничему не учат? Вот вы же сразу узнали? Скажите честно.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Даже парик можно было не надевать.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да вы проходите.

ЯНОВСКИЙ. Здесь раньше трактир был.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так и сейчас. Там снаружи и вывеска имеется. «Кушанье и чай». Между прочим, примечательное место. Помните у Гоголя? Куда заходит сбежавший от майора Ковалёва нос?

ЯНОВСКИЙ. Мы с товарищем потому и зашли, что название уж очень знакомое.

Павел Иванович, узнаёте что-то?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (*оглядывается по сторонам*). Сколько времени прошло... Так что и трудно требовать... Разве что вот этот прилавок.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Прилавок - натуральный. Это вы точно подметили...

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. О! Смотрите! У них тут и баранки есть! Свежие?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Обижаете.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Вы тогда вот что, голубчик, дайте-ка нам для начала чаю. И бараночек. А дальше посмотрим.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*наливает из самовара чай, кладёт на тарелку баранки*). Медку не желаете к бараночкам? Натуральный.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Отчего же. С нашим преогромным удовольствием. И медку отведаем.

ЯНОВСКИЙ. Любезный, простите, как вас?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Как меня зовут?

ЯНОВСКИЙ. Ну, да. А кого же ещё?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так вы же сами только что сказали. (*Прикладывает руку к цилиндру в приветственном жесте.*) Смотрим внимательно, вспоминаем...

ЯНОВСКИЙ. Николай Васильевич? Так и зовут? Или это своего рода...

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Своего рода... Но пока я здесь, то для всех - Николай Васильевич. Или вы хотите сказать, что не похож?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Вылитый!

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*ставит на стол тарелку с какими-то закусками*). Попробуйте к чаю. Комплимент от заведения. Как новым посетителям.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (*пробует*). Ах, дражайший Николай Васильевич, как это, однако, любезно с вашей стороны. Да мы теперь будем вашими самыми, что ни на есть, постоянными завсегдатаями.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Хорошо бы, да только боюсь, придётся вам в скором времени искать себе другое место. Закроют нас.

ЯНОВСКИЙ. А что же тут тогда будет?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. В этом-то вся и штука – ничего не будет. Снесут этот дом.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Как снесут? Совсем ещё новый дом! Тут ещё жить и жить.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так уже и жить скоро будет некому. Почти всех выселили.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. А вот вы на них прямо в управу... К градоначальнику!

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да всё уже пробовали. И жаловались... У нас тут своя журналистка живёт. Рита. Так она - куда только не писала. Но всё без толку. Ничего доказать не получилось.

ЯНОВСКИЙ. Простите, а о каких доказательствах идёт речь?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, что дом этот не простой, а имеет историческую ценность.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Так тут и доказывать ничего не надо.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что старый, так и спору нет. Да только этого недостаточно.

ЯНОВСКИЙ. Так что же ещё?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Надо, чтобы ещё хоть какая-нибудь историческая личность тут проживала.

ЯНОВСКИЙ. Даже обидно как-то... Так разве в этом доме никто из «личностей» не проживал?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Может и проживал. Да только надо, чтобы значительная. Личность – личность.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Позвольте. Да, как же так – не проживал?

ЯНОВСКИЙ. Павел Иванович... Вы же слышали? Значительная.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Да уж куда значительнее?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Поговаривали, что вроде тут даже Гоголь жил. Да только никаких доказательств не нашли.

ЯНОВСКИЙ. Почему же не нашли?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так может и не жил он тут. Слухи только.

ЯНОВСКИЙ. Как же не жил? Наверняка жил!

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да откуда вам знать?

ЯНОВСКИЙ. Да кому же, как не мне и знать? Да вот вам и Павел Иванович то же самое скажет.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, если и Павел Иванович... А вы туристы? Проездом?

ЯНОВСКИЙ. Мы... да, можно сказать – путешественники. Проездом.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Надолго к нам?

ЯНОВСКИЙ. Это будет зависеть от различных обстоятельств. Но, думаю, что придётся задержаться.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Где остановились? В гостинице?

ЯНОВСКИЙ. Зачем же в гостинице? В гостинице шумно. А мы с Павлом Ивановичем любим покой.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Квартиру хотите снять? Могу подсказать.

ЯНОВСКИЙ. Очень любезно с вашей стороны. Да мы, собственно, уже нашли. Как думаете, Павел Иванович? Нашли?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Да тут и думать нечего. Место знакомое. Тихое.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. И где же?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Да вот тут, прямо в вашем доме и поселимся.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Как? В этом доме? Да тут никого уже не прописывают. Только выселяют.

ЯНОВСКИЙ. А нам и не надо никакой прописки. Она, наверное, нужна тем, кто новый жилец. А если человек тут раньше жил, так, зачем же ему какая-то прописка. Как думаете, Павел Иванович?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Совершенно не нужна, за полной ненадобностью. Да у нас и заплачено. *(Достаёт и открывает шкатулку. Перебирает находящиеся в ней бумаги.)*

И на сей счёт даже расписочка сохранилась... Где же это... Да вот! *(Николай Васильевичу.)* Не желаете взглянуть? Всё - чин по чину... *(Просматривает и цитирует вслух отдельные места.)* «выдано владельцу меблированных комнат купцу второй гильдии... 150 рублей ассигнациями...» Нет ну вы всё-таки взгляните. Тут и число наличествует.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да я что... Хорошо бы, чтобы с вашей бумажкой ещё и в паспортном столе согласились.

ЯНОВСКИЙ. А об этом не стоит и беспокоиться. Павел Иванович это всё разом устроит. Он на такие дела большой мастер.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Николай Васильевич, а что же нет никого? Такое замечательное у вас заведение.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. В такое время пришли. Кстати, который час? Сейчас ряженные должны пойти.

ЯНОВСКИЙ. Кто?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ряженные. С площади. Ну, те, что с туристами фотографируются. Пётр Первый, Пушкин, Ленин... Они все ко мне ходят. Я им скидку делаю.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Очень благородно с вашей стороны. Вы, уж, и нам, пожалуйста... Кстати, как вы думаете, а нет ли в этом доме жильцов, которые уже съехали, но при этом как бы ещё продолжают числиться среди проживающих ...

ЯНОВСКИЙ. Павел Иванович...

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Это я так, только поинтересовался.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(подсаживается за стол к посетителям)*. Ничего, что я присяду? Простите, как вас?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Павел Иванович.

ЯНОВСКИЙ. Яновский.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Очень, очень приятно. Вы меня так порадовали. Знаете, это такая редкость в наши дни, что кто-то может узнать классика. Нет, я понимаю, что по сравнению с Петром Первым или даже Лениным, Гоголь, может быть, и не самая узнаваемая личность. Но чтобы так. Совсем. Я им про птицу-тройку монолог и про другую птицу, которая не каждая долетит до середины Днепра... Не поверите! Как в первый раз слышат! Приматы. Да что я вам... Вы-то сразу видно, что образованный человек... Вот если бы все так... Извините... Разволновался.

(Встаёт, подходит к барной стойке, берёт бутылку водки, стопки и возвращается за стол.)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Можно я вас угощу?

ЯНОВСКИЙ. Лучше мы вас.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Как скажете. *(Разливает.)* Давайте чокнемся. Ваше здоровье! О чём я... Гоголь... Ну вы же читали...

ЯНОВСКИЙ. Доводилось.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да по вам сразу видно, что образованный человек. Я признаться, тоже как бы литератор. Нет, ну, конечно, громко сказано – литератор. Пока ещё не публикуюсь... Точнее – не публикуют. А знаете, почему? Мне один редактор так и написал – «мало реализма». Недостаёт «правды жизни». Представляете? У Гоголя – нос гуляет по столице. И всем хватает правды жизни. И Пушкин, кстати, сейчас, тоже придёт. Мерзейший тип. Ни слова даже по-русски не говорит. Чёрный, сволочь, под арапа работает. Придумал, что он родственник Пушкина. Фотографию какую-то показывает папуаса с клыком в носу. И уверяет, что это портрет его прадедушки, родного брата того Ганибала, который прадед Пушкина... Моя грендфаза – браза грендфаза Пушкин... Моя – бразе Пушкин... И ведь фотографируются. Да, так я про другого Пушкина. Тот, настоящий, не говорит Гоголю, что в его тексте «недостаёт правды жизни». Ведь не говорил же?

ЯНОВСКИЙ. Не припомню такого.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот! Ничего не говорит, а просто публикует в своём «Современнике». Как вам это? Нос нахрен отрезали – никто не заметил даже. Потом он бегаёт, по городу, ездит в карете. Это – «правда жизни»? Вы такое где-нибудь видели? Это вообще кто-то представить себе может?

Звонит колокольчик входной двери и в помещение кафе с трудом протискивается – НОС!

3.

ВТОРОЙ ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК.

РАЗГОВОР С МАСТЕРОМ

Звучит фонограмма телефонного разговора. Разговор происходит на узбекском языке. Сопровождается синхронным переводом на русский.

- Алё! Здравствуй, дорогой! Это я! Узнал? Алё!

- Алё! Кто это? Не слышно.

- Это я, Азибек? А-зи-бек! Сейчас, подожди, телефон немножко поверну... А так слышно? А так...

- Кто это?

- Азибек.

- Да, дорогой. Как дела?

- Спасибо, хорошо. Вот только телефон немножко не работает. Хочу к тебе зайти, чтобы ты посмотрел.

- Извини, дорогой, там смотреть не на что. Я тебе уже говорил, что его давно пора выбросить.
- Зачем выбросить? Хороший телефон. Немножко починить. Ты ведь его уже чинил. Там только экран треснул, и звук ещё пропадает. И ещё цифры не видно...
- Нет, дорогой, извини. Его уже нельзя чинить. Приходи, я тебе новый сделаю.
- Как новый? Зачем новый? И откуда у меня деньги на новый?
- Приходи, придумаем что-нибудь. У меня экран есть старый, но хороший, корпус остался от одного клиента... Зарядку я тебе подарю... приходи, соберём что-нибудь.
- Нет. Не надо новый... мне ещё штраф платить. Алё! Ты меня слышишь? Алё! Алё! А так слышно? Если ты меня слышишь... Хорошо, я сегодня приду. Пусть будет новый. Только сегодня. А то меня на работу без телефона не пускают. Алё! Меня слышно? А так? А так?..

4.

ПЕРВАЯ СЦЕНА ГЕНЕРАЛА И СЕКРЕТАРЯ. ДОКЛАД ПРО НОС И БАШМАЧКИНА.

Кабинет Значительного лица.

Генерал стоит у зеркала и репетирует на все лады фразу: «Что вам угодно?». «Что вам угодно?..» «Что вам угодно?..»

Появляется секретарь.

СЕКРЕТАРЬ. Дозволите войти?

ГЕНЕРАЛ. Что вам угодно?

СЕКРЕТАРЬ. С докладом.

ГЕНЕРАЛ. Потом посмотрю. Имеете что-то добавить устно?

СЕКРЕТАРЬ. Из последних происшествий, достойных упоминания: в одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать. Князь Долгорукий даже велел призвать попа и распорядился нарядить негласное следствие.

ГЕНЕРАЛ. Ну, так пусть этим придворная служба и занимается. Есть что-то по нашей части?

СЕКРЕТАРЬ. Да так, одни мелочи. Поручик Пирогов был замечен в неподобающем поведении в отношении жены некоего немецкого мастерового и у коллежского асессора Ковалёва пропал нос...

ГЕНЕРАЛ. Погодите. Голубчик, что значит – «пропал нос»? Это, каким же образом он мог пропасть?

СЕКРЕТАРЬ. По предварительному следствию - во время бритья неким цирюльником... Извините, фамилии не припомню-с...

ГЕНЕРАЛ. Экая каналья. Отхватить вот так вот, ни за здорово живёшь, нос. И что нельзя это как-то поправить? Пришить... Всё-таки коллежский асессор.

СЕКРЕТАРЬ. Может быть, и можно было поправить. Но дело в том, что пока спохватились, нос этот, как бы сказать... Сбежал.

ГЕНЕРАЛ. Нос? Сбежал? Да как же это возможно?

СЕКРЕТАРЬ. Совершенно невозможно-с... Но майор этот, Ковалёв, утверждает, что видел его неоднократно в присутственных местах. И даже разъезжающим в экипаже...

ГЕНЕРАЛ. Да как же это может быть? Нос. В карете...

СЕКРЕТАРЬ. Вот полностью с вами согласен: невозможно-с... Но ведь и факты тому имеются. Поговаривают, будто нос этого Ковалева ровно в три часа прогуливается по Невскому проспекту. Многие желают лично убедиться. Намедни у магазина Юнкера образовалась давка.

ГЕНЕРАЛ. Ну, раз такой оборот... Так вы распорядитесь... Примите меры к розыску и задержанию этого... Чёрт знает что, если носы сами по себе начнут по городу бегать. Всё?

СЕКРЕТАРЬ. И самое последнее... Участились случаи нападения с целью завладения шинелью.

ГЕНЕРАЛ. Но тут-то хоть без чертовщины. Изловить мошенника и всех дел. Не стоило и докладывать.

СЕКРЕТАРЬ. Опять-таки дело несколько необычное. Поговаривают, что разбойник этот - не обычный лихоимец, а... как бы это сказать...

ГЕНЕРАЛ. Давайте уже, докладывайте.

СЕКРЕТАРЬ. Это только слухи... Хотя имеются и факты... Свидетели... И по всему выходит, что это некий титулярный советник Башмачкин.

ГЕНЕРАЛ. Так в чём же дело? Арестовать шельму.

СЕКРЕТАРЬ. Никак невозможно. По причине, что он уже вроде как умер.

ГЕНЕРАЛ. Так умер? Или - «вроде как» умер?

СЕКРЕТАРЬ. По всем официальным записям – умер. А судя по тому, что замечен в разбойных нападениях, получается - вроде как...

ГЕНЕРАЛ. Постойте, это не тот ли Башмачкин, который приходил ко мне по своему делу... Что там у него...

СЕКРЕТАРЬ. Подвергся ограблению. В результате чего лишился шинели.

ГЕНЕРАЛ. Да, да... Я кажется, с ним тогда ещё несколько строго обошёлся. Всего то и спросил : «Что вам угодно!?»

СЕКРЕТАРЬ. Точно так. Он самый. Вы изволили поинтересоваться... А он, видимо, с непривычки, обомлел, а после вернулся домой и помер.

ГЕНЕРАЛ. Это, однако, очень даже досадно. И что там по этому делу?

СЕКРЕТАРЬ (*достаёт и перебирает бумаги*). Имеется заключение о кончине.

Протоколы о нападениях у Калинкина моста. Приметы нападавшего, данные пострадавшими и коломенским будочником, который почти изловил разбойника в Кирюшкином переулке.

ГЕНЕРАЛ. Отчего же не изловил?

СЕКРЕТАРЬ. Может потому и не изловил, что он уже мёртвый. О чём и свидетельство имеется.

ГЕНЕРАЛ. Значит, так и распорядитесь: изловить живым или мёртвым. Есть что-то ещё?

СЕКРЕТАРЬ. На сегодня других новостей нет. Разрешите удалиться?

ГЕНЕРАЛ. Ступайте!

Секретарь уходит.

Генерал подходит к зеркалу и продолжает упражняться на все лады с фразой: «Что вам угодно?»

5.

ПЕРВАЯ СЦЕНА СЛЕДОВАТЕЛЯ И РЕЖИССЁРА

Кабинет Следователя.

Следователь. Режиссёр.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы так и не ответили на заданный вопрос.

РЕЖИССЁР. Я пытаюсь. Это так сразу не объяснить... Вы же читали сценарий?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. При чем здесь сценарий? Просто ответьте на конкретный вопрос:

От кого вы получили задание по организации мероприятия с целью вымогательства денежных средств под прикрытием внедрённого агента?

РЕЖИССЁР. Кошмар какой-то... Агент... Задание... Товарищ... Или, как вас правильно? Гражданин? Извините, у меня нет опыта. Вы меня с кем-то путаете...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы понимаете, или вам повторить вопрос?

РЕЖИССЁР. Вопрос... Вы не подумайте, что я что-то скрываю или увиливаю... Я пытаюсь понять... Извините, я волнуюсь... Я в первый раз... Нельзя эту лампу чуть в сторону отвернуть? Нет, если так положено, пусть светит.

Следователь отворачивает лампу.

РЕЖИССЁР. Спасибо. Я и так все скажу. Мне нечего скрывать. Готов сотрудничать... На чём я остановился?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы остановились на ваших признательных показаниях, что данное задание было выполнено вами по поручению вашего приятеля...

РЕЖИССЁР. Я не говорили "приятеля". Он мне даже не приятель. Так, знакомый. Дальний... Можно сказать, случайный... Учились вместе. И что значит - "признательные"? Я уже в чём-то признался? Может быть, мне нужен адвокат?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хотите позвонить адвокату?

РЕЖИССЁР. Да!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Протягивает телефон. Один звонок.

РЕЖИССЁР (*берет телефон*). Да, я хочу позвонить адвокату. (*Вопросительно смотрит на следователя.*) Простите, а куда... Ну, в смысле, как звонить адвокату?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. У вас есть адвокат?

РЕЖИССЁР. Бог мой! Адвокат... Да зачем мне нужен адвокат? Я же говорю, что я законопослушный гражданин... Откуда у меня адвокат?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зачем вы тогда просили сделать звонок?

РЕЖИССЁР. Не знаю. Все звонят адвокатам. Что, у всех есть адвокаты? Только у меня?.. А как, кому они...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы будете звонить?

РЕЖИССЁР. Господи... Адвокат... Адвокат... У меня сестра, когда разводилась, у нее был адвокат. Он, правда, по разводам. Или это неважно?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы будете звонить?

РЕЖИССЁР. Да что же это... А вы считаете, что все настолько плохо? Что мне, действительно, нужен адвокат?

РЕЖИССЁР. Если вы чувствуете за собой вину, за которую предполагается ответственность....

РЕЖИССЁР. Нет! Конечно же нет. Я вам как на духу. И адвокат мне не нужен. (*Демонстративно возвращает телефон.*) Он ведь нужен только тем, кто в чём-то виноват? Я прав?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Будем продолжать допрос?

РЕЖИССЁР. Конечно. Спрашивайте.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я уже задал вопрос.

РЕЖИССЁР. Да я вообще не должен был этот корпоратив делать. И сценарий этот писать. Да, меня попросил мой... Один... **полузнакомый** режиссёр. У него форсмажор, премьеры в другом городе. А тут эта халтура. Это у нас так говорят - «халтура». Не в плане качества, а просто - дополнительная работа. Халтура – в хорошем смысле этого слова.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я вижу, вы не хотите сотрудничать со следствием.

РЕЖИССЁР. Хочу! Отвечаю на поставленный вопрос. Вы фиксируете? Всё происшедшее, в чём вы меня подозреваете – не более чем трагическое совпадение и

случайность. Можно сказать, во всём виноват Гоголь. Писатель. Ну, это, конечно, не в прямом смысле... это я образно... Вы следите за моей мыслью?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Отвечайте конкретно на поставленный вопрос.

РЕЖИССЁР. Господи! Я и пытаюсь... Если честно, вот, готов признаться. Вы фиксируете? Делаю признательное показание. Это важно. Стыдно, конечно, но важно. Я даже сценарий не писал. Да и времени не было. Да и деньги не те... Одно слово - халтура. В плохом смысле этого слова. Взял сценарий новогоднего детского утренника... Чуть текст переписал. Вы же читали сценарий? Вот эта поздравлялка с новым назначением юбиляра. Помните? «Шел я полем, шел я лесом...» Ничего не напоминает? Это же чистой воды «дедморозовское»... Только концовку немного переписал... Вместо «с новым годом» дописал - «чтоб поздравить с новым чином, с новым радостным почином!» Даже самому сейчас стыдно. Но это же не наказуемо? Посудите сами, если бы я заранее что-то такое планировал... А тут же все проще простого: шёл я полем, шёл я лесом...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы это уже говорили.

РЕЖИССЁР. Я просто пытаюсь объяснить. Перехожу к главному. То, что вас интересует. Вы фиксируете? Хотя и халтура, но всё-таки юбилей, новое назначение... Надо было что-то этакое придумать. Вот я и подумал: хорошо, если нашего юбиляра поздравят классики. Пушкин, Гоголь... Ну и ещё там, всякие...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не отвлекайтесь.

РЕЖИССЁР. Я подхожу к главному. Главное – это Гоголь. Можно сказать, он во всём виноват. Вот если бы я его не вставил, то ничего бы и не было. Чёрт меня дёрнул с этим Гоголем... Да я и не хотел. Но так удачно подвернулась одна кукла. Ну, из этих, которые «ходячая реклама». По улицам ходят... Я первый раз такую увидел. Случайно. В кафе. Чёрт меня дёрнул в это кафе зайти. Захожу, а там сидит Нос и пьёт чай. Представляете – настоящий нос в человеческий рост.

6.

ТРЕТИЙ РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ.

ГРАБЁЖ

Звучит фонограмма телефонного разговора. Разговор происходит на узбекском языке. Сопровождается синхронным переводом на русский.

- Алё! Меня слышно?

- Азибек, это ты?

- Да я. У меня есть телефон! Почти новый. Меня сейчас хорошо слышно?

- Слышно. Надеюсь, и ты меня слышишь.

- Да. Очень хорошо слышу. Когда приходишь на работу?

- Ты знаешь, что я на тебя в полицию подал? Ты где ходишь? Знаешь, сколько этот костюм стоит? А сколько я денег из-за тебя потерял?

- Я всё отдам. У меня теперь телефон есть. Почти новый. Я могу работать. Всё отработаю...

Голос (на русском языке): Эй, приятель, а ведь это мой телефон...

Крик Азибека.

Голос (на русском языке): Дай посмотреть.

Азибек громко что-то кричит на узбекском языке.

- Эй. Что там у тебя случилось? Алё!

Голос (на русском языке): Смотри-ка, не верит.

Звук падающего тела. Удары. Крики Азибека.

Голос (*на русском языке*): Ну, точно, мой телефон. Я же сразу так и сказал.

Звуки ударов.

Еле слышное причитание Азибека.

Тишина.

б.

ВТОРАЯ СЦЕНА В КАФЕ.

ПРИХОД РИТЫ.

Николай Васильевич, Яновский, Павел Иванович, Азибек-Нос.

Азибек-Нос сидит в углу, пьёт чай и что-то горестно причитает по-узбекски.

Входит Рита.

РИТА. Привет! (*Замечает Азибека.*) О! У нас новый персонаж?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да вот забрёл... Горячего чая ему налил. Сидит, отогревается. Рита, кофе?

РИТА. Как всегда. А что с ним?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Бог его знает. Хоть бы слово понять, что там у него стряслось.

ЯНОВСКИЙ. А вот мы Павла Ивановича попросим. Павел Иванович, вы в своё время, где только не побывали. Не доводилось слышать?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Судя по всему, одно из тюркских наречий. Скорее всего, узбекский.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Эко его занесло.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Дословно не берусь, но... В общем-то понять нетрудно. С работы его выгнали, с телефоном у него что-то случилось... (*Яновскому.*) Это новомодное такое изобретение. Я вот себе тоже приобрёл...

ЯНОВСКИЙ. Павел Иванович, не отвлекайтесь.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Извините... телефон... да, телефон сломался... а без телефона на работу не берут... Только он себе на последнее новый справил, как его тут же и ограбили... Теперь ни телефона, ни работы... ещё хозяин в полицию жалобу подал... Ищут его... чуть не поймали... Как-то так...

ЯНОВСКИЙ. Знакомая, однако, история. В этом городе мало что меняется. И что же он собирается делать?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Хочет в полицию идти, жалобу подать. Думает, может сразу к самому главному начальнику.

ЯНОВСКИЙ. Ну, Павел Иванович, мы-то с вами знаем, чем это для него закончится. Ещё чего доброго начнёт разбойничать у Калинкина моста. Надо бы сыскать другую возможность как-то ему помочь. Вы уж придумайте что-нибудь.

В кафе входит Режиссёр. Оглядывается по сторонам.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. А тут и придумывать нечего. Вы сами уже давно всё и сочинили. (*Указывает на вошедшего режиссёра.*) Да вот, взгляните. Как говорится: на ловца и зверь бежит. Сейчас всё и устроим наилучшим образом. (*Привстает и приветствует режиссёра в полупоклоне.*) Моё почтение...

7.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОЙ СЦЕНЕ ДОПРОСА.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЯВЛЕНИЯ РЕЖИССЁРА В КАФЕ

РЕЖИССЁР. Вот сейчас очень важное. Это надо обязательно отметить. Я ведь в эту таверну зашёл без всякой цели. Просто шёл за одной особой...

Да, сейчас точно вспоминаю. Я и войти не успел. А этот тип, он как будто меня ждал. Встал так, шляпу приподнял и даже чуть поклонился, как своему знакомому. Еще и сказал: «Моё почтение». А я его никогда раньше в глаза не видел. Да, да... именно так и сказал: «Моё почтение». Теперь я это точно помню.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не очень убедительно звучит. Поприветствовал вас кто-то. Это я при всём желании не могу вам в чистосердечное или смягчающее записать.

РЕЖИССЁР. Так, а потом-то и случилось самое главное. То, о чём вы спрашиваете. Ведь я же там случайно оказался. Просто шёл за одной особой...

8.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА В КАФЕ.
ВСТРЕЧА РИТЫ И РЕЖИССЁРА

В трактир заходит режиссёр. Оглядывается по сторонам.

Павел Иванович приподнимается и отвешивает в сторону Режиссёра приветственный полупоклон.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Моё почтение...

РИТА (*режиссёру*). Вы, наверное, меня ищите? Эй! Я здесь! Давайте, давайте, идите сюда. Нечего притворяться, что зашли сюда совершенно случайно.

РЕЖИССЁР. Я, собственно, действительно, просто зашёл, но, если вы настаиваете... (*Садится.*)

РИТА. Конечно... Просто зашёл... А то я не видела, как вы за мной почти весь Невский проспект отмахали. Должна заметить, шпион из вас никудышный. Так неуклюже прятались, отворачивались... Ну, признавайтесь уже...

РЕЖИССЁР. Невский проспект он иногда располагает к случайным встречам.

РИТА. Случайным... Хорошо. Даю последний шанс. Считаю до трёх, потом встаю и ухожу. И только попробуйте увязаться за мной. Раз...

РЕЖИССЁР. Да! Да, не случайно.

РИТА. Ну вот. Другое дело. Переходим к следующему этапу. Цель вашего преследования. На маньяка вы не похожи... Хотя, они все не похожи... Нет. Но вы совсем, совсем не похожи. Разве что – так, любитель погоняться за первой попавшейся юбкой... Или это любовь с первого взгляда? Большая и чистая. Что вы всё время молчите? Я же не могу за вас всё время говорить.

РЕЖИССЁР. Вы мне просто не даёте возможность... Сами задаёте вопросы и тут же сами отвечаете...

РИТА. Но хоть правильно отвечаю?

РЕЖИССЁР. Смотря, что вы имеете в виду...

РИТА. Ага, значит, что-то угадала. Что там у нас было? Маньяк. Бабник. И любовь до гроба с первого взгляда. Что угадала?

РЕЖИССЁР. Ну... Нельзя же так категорично... Даже не знаю, как и... (*Неожиданно замечает сидящего в углу Азибека. Замолкает и с удивлением его рассматривает.*)

РИТА. Да всё вы про себя знаете. Ну... Смелее... Эй! На что вы так засмотрелись?

РЕЖИССЁР. Там сидит нос.

РИТА (*оборачивается и тоже смотрит на Азибека*). Ну да... И что вас так удивляет?

РЕЖИССЁР. Это так неожиданно... А вас не удивляет?

РИТА. Меня здесь вообще уже давно ничего не удивляет. Тут кого только нет. Вот теперь и нос. Сбежал должно быть от кого-то...

РЕЖИССЁР. От майора Ковалёва...

РИТА. Точно! Сейчас, если немного подождёте, то ещё и не с такими персонажами познакомитесь. У нас тут целый паноптикум! Пётр Первый, Пушкин... Даже свой Ленин есть. Вполне такой натуральный. Если Владимир Ильич будет угощать морковным чаем, то вы ни в коем случае не отказывайтесь. Это его очень расстраивает.

РЕЖИССЁР. Ну Ленин, Пётр Первый... Но вот чтобы Нос. Всё-таки неожиданно... Вы, конечно, уже привыкли. Но для случайного человека это несколько... Он тоже фотографируется?

РИТА. Честно? Я его сама в первый раз тут вижу. Но, согласна, что прикольно. Впечатляет.

РЕЖИССЁР. Впечатляет - это хорошо... Действительно, очень эффектное впечатление производит. Если ещё придумать, как это всё оправдать. Подать...

РИТА. Это вы сейчас о чём?

РЕЖИССЁР. Это я так о своём, рабочем. Я режиссёр. ... И как раз мне тут одну халтуру... я хотел сказать, работу предложили.

РИТА. Делаете спектакль. Вау! А я журналист. Хотите, напишу про ваш спектакль?

РЕЖИССЁР. Ну это как бы не совсем спектакль... Кто, говорите, у вас тут ещё? Пётр Первый, Пушкин, Ленин... Всё?

РИТА. Гоголь у нас ещё есть. Хозяин трактира. (*Шёпотом.*) Он, правда, не очень похож... Только вы ему об этом не говорите.

РЕЖИССЁР. Гоголь это здорово... Гоголь это мне близко. Я даже пьесу про Гоголя пишу. Вот только этот Нос... Чтобы с ним тоже придумать? Жалко такое не использовать. Но причём тут нос...

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Так, пожалуй, что пора.

Павел Иванович встаёт со своего места и подходит к столику, за которым сидят режиссёр и Рита.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Нижайше прошу прощения, что, так сказать, вторгаюсь...

Позвольте представиться: Павел Иванович. Вы разрешите присесть? Я совершенно случайно услышал, что вы режиссёр. И вот я подумал, как раз по поводу этого Носа. Так, знаете ли... вдруг пришла в голову одна фантазия. Дай, думаю, поделюсь. А вдруг человеку пригодится? А что если он у вас будет не просто так - Нос, а каким-нибудь... Позвольте, я всё-таки присяду...

9.

ФИНАЛ ПЕРВОЙ СЦЕНЫ В КАБИНЕТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Следователь, Режиссёр.

РЕЖИССЁР. Позвольте, говорит, представиться. Откуда он взялся? Подсел.

Разговорились. Слово за слово... Да, да, да... Теперь я точно вспоминаю: это он мне и посоветовал про ревизора. Так и сказал: «А что если этот нос у вас будет не просто так - нос, а, например - ревизор». Гражданин следователь, вы это отметили?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Продолжайте.

РЕЖИССЁР. Но это важно! И потом я его на этом мероприятии видел. Он там ходил между гостей и что-то им в ухо нащёптывал. Я вам его опишу. Его надо непременно объявить в розыск.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Возвращайтесь к фактам.

РЕЖИССЁР. Факты... Нос – ревизор. Мне это сразу так понравилось. Подумалось, что очень забавно может получиться. У Гоголя повесть такая есть - «Нос»? Там нос сбегает от своего хозяина. А тут, представьте - в натуральную величину. Я даже и не спросил, что он такое рекламирует. Да и как его спросишь, если он вообще по-русски не говорит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы представьте, как это будет выглядеть в протоколе? В ответ на поставленный вопрос, подозреваемый ответил, что нос, с которым он случайно познакомился, не говорит по-русски.

РЕЖИССЁР. Но это важно! Главное слово - «случайно»! Это вы очень правильно подметили. Нельзя это слово выделить как-то в протоколе. Подчеркнуть... Ведь это говорит о том, что у меня не было предварительно умысла. А всё же из-за него! И ещё - Гоголя. Мне продолжать?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Продолжайте.

РЕЖИССЁР. Я уже говорил, что я человек творческий. Фантазия разыгралась... Нос. Ревизор – везде суёт свой нос... Зримая метафора... Ну, как было не уцепиться? Помните, у Гоголя? Там ревизор как бы инкогнито приезжает. И все боятся. Вот я и подумал, смешно будет объявить, что, на сегодняшнем мероприятии, тоже присутствует ревизор. Только его никто не боится. Потому что все честные.

Замечает удивлённый взгляд Следователя.

РЕЖИССЁР. Нет, ну я понимаю, что преувеличение. Ну, это как бы гипербола... Это термин такой. Ничего предосудительного. Понятно, что в жизни не всегда... Вы не подумайте, что я на кого-то конкретно намекал... Или хотел оскорбить чьи-то чувства... Или... (*Переходит на шёпот.*) Неужели оскорбил?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. То есть вы признаете, что для вброса информации о присутствии на мероприятии персонажа, действующего под видом ревизора, вами была разработана операция с использованием специально написанного сценария?

РЕЖИССЁР. Это я такое сказал?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хотите ознакомиться с протоколом допроса?

РЕЖИССЁР. Товарищ... Гражданин... Операция... Вброс информации... Что за слова такие? У меня и в мыслях не было. Я же говорю: форс мажор. Времени в обрез! Оригинальный сценарий писать некогда. Да и актёров нет. Кому не позвонишь, все заняты. Либо столько заломят... Гении, мать их... И тут я так удачно в это кафе зашёл. Будь оно не ладно... А там полный набор. И Гоголь, и Пушкин...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вам известна сумма собранных вашим подельником денежных средств, и где он находится в настоящее время?

РЕЖИССЁР. Я категорически протестую против употреблённого вами термина «пodelьник». Да и как я с ним мог договориться, если он ни на одном понятном языке не говорит? Задачу поставил. Отрицать не буду. Но – режиссёрскую задачу. Ходить среди публики и раздавать как бы шуточные визитки – «Ревизор». Кто же знал, что ему и в самом деле начнут что-то давать. Может быть, в шутку. Чисто символически?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В особо крупном размере.

РЕЖИССЁР. Какой кошмар! Может быть, мне всё-таки стоит позвонить адвокату?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пока свободны. И предупреждаю вас об ответственности за разглашение информации. Подпишите.

Режиссёр подписывает и уходит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*нажимает кнопку, говорит по селектору*). Подготовьте ориентировку для рассылки во все районные отделения. Разыскивается Нос. Приметы: рост – ниже среднего, нос - приплюснутый, широкий... по-русски не говорит... Подозревается в хищении денежных средств в особо крупном размере...

10.

СЦЕНА ВСТРЕЧИ ДВУХ НОСОВ.

Улица. Дождь.

Азибек в костюме Носа стоит под козырьком подъезда.

Вдалеке звучат свистки городских.

Нос майора Ковалёва подбегает и становится рядом с Азибеком.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Вы не возражаете? Чёрт, ведь как льёт. (*Отряхивается. Прислушивается.*) Вот ведь какая каналья этот майор Ковалёв. Угораздило же такому подлецу достаться... В розыск объявил. А у меня кто-то спросил: хочу я вернуться на... на... это же даже и лицом назвать нельзя. Так – одно постыдное недоразумение природы.

Азибек эмоционально что-то пытается ответить на узбекском.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА (*разглядывает Азибека*). Что, братец, и тебя допекло? За что же нам такая несправедливость – доставаться, кому ни попадя, без всякого разбору.

Азибек что-то горестно причитает в ответ.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. А у меня думаешь лучше? Представь только, какого это всё время находиться на такой мерзкой роже. Майор... Тьфу! Только название, что чин. Он когда представляется, я от стыда краснею. А он ведь, подлец, ещё и выпивает. И от этого я ещё больше краснею. И что могут подумать дамы? Вот пусть теперь походит без носа. Посмотрим, чего он, каналья этакая, стоит без меня. В полицию пожаловался. Где это видано, чтобы в цивилизованном обществе носы полицией травить? Ты, братец, того... поосторожнее. Тебя, наверное, тоже ищут. Сцапают и охнуть не успеешь.

Азибек монотонно повторяет одну и ту же фразу.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Если разобраться, то это мы должны в полиции просить защиты от этих сволочей. Ведь я от своего, каким только издевательствам не подвергался. То напихает в меня какую-нибудь гадость, так что потом целый час не прочихаться. Чёрт с ним! Это ещё можно стерпеть. Но он с приятелем своим, такой же сволочью, в карты повадился играть. И ведь на что додумались играть? Выигравший проигравшего колодой по носу со всего маха колотит. Это же надо до такого додуматься! По носу! Колодой! Раз! Раз! Мой - мало, что сволочь и подлец, так ещё и дурак набитый. В картах никакого разумения не имеет. От того всё время и проигрывает. А отдуваться-то мне. Кого хлещут? Я уже в середине раздачи наперёд

вижу, что сейчас опять проиграет. Как? Чем заходит? Меня уже всего трясёт от предстоящей экзекуции. Так и хочется ему крикнуть: сноси бубну! Бубей! Нет! Всё по своему... А мне потом... Раз! Раз! И не увернёшься. Ему-то, подлецу, хоть бы что. Ещё и смеётся. Даже вспомнить страшно. (*Смотрит на дрожащего от холода Азибека.*) Вот и тебе, я смотрю, досталось.

Азибек горестно причитает и в отчаянии бьёт себя по голове.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Эх тебя довели... Да таких подлецов вообще надо лишать права нос иметь. Это ещё заслужить надо. Я так думаю, что нашего брата должны присваивать с чином не меньше чем статский советник. Ну, на худой конец – надворный. Никак не меньше. А остальная дрянь, которая и выслужиться талантов не имеет, пусть так ходит. Зато сразу будет видно – никчемный, никудышный человечиска. И нос тебе не положен! Ни к чему тебе нос иметь. Как полагаешь?

Раздаются свистки городских.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Вот ведь, сволочь. Полицию натравил. Пожалуй, мне пора. И тебе, голубчик, советую уносить ноги. Держи двугривенный. Видишь на той стороне улицы трактир? «Кушанье и чай». Попробуй там отсидеться. А то ведь поймают, да первому встречному и пристегнут. Кто ж там разбираться станет? *Убегает.*

11.

ЧЕТВЁРТЫЙ РАЗГОВОР АЗИБЕКА ПО ТЕЛЕФОНУ.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ. ОТЛОВ.

Звучит фонограмма разговора на узбекском с синхронным переводом на русский.

- Алё! Зухра! Это я, Азибек! Хорошо слышно?

- Да, очень хорошо.

- Это потому что у меня новый телефон. Айфон. Американский. Последняя модель. Я тебе такой тоже купил.

- Зачем тратишь деньги. У меня уже есть телефон.

- Не думай об этом. У меня теперь много денег. Я всем купил. Твоему отцу, своему отцу, тёте Сухроб, племянникам – Бобожан и Атабеку... всем везу. Скоро приеду.

- Приезжай скорее. Мы очень соскучились.

- Я вам деньги послал. Много денег.

- Азибек, дорогой. Откуда столько денег? Ты что, украл?

- Зачем сразу украл? Тут такие добрые люди! Сами всё дают. Столько денег дали!

Скажи Фаризу, пусть купит билет и приезжает. Я его всему научу. Костюм дам.

Бумажки дам. У меня ещё много осталось. С нужным человеком познакомлю.

Хороший человек. Всему меня научил. Мне столько денег дали...

Слышен звук свистков городских.

ГОЛОСА (*на русском*): Да вот он! А ну хватай его!

Топот бегущих людей.

- Что случилось? Азибек? За тобой кто-то гонится?

ГОЛОСА (на русском): Заходи с боку. Не уйдёт!

Свистки. Звук падающего тела.

- Зухра, я тебе потом позвоню...

ГОЛОСА (на русском): Есть. Попался! Вяжи его!

Звук сигнала: абонент временно не доступен.

12.

ВТОРАЯ СЦЕНА РЕЖИССЁРА И РИТЫ.

СЦЕНАРИЙ

Таверна.

Режиссёр, Николай Васильевич.

Режиссёр сидит за столом что-то помечает на листах бумаги.

Входит Рита.

РИТА. Какая неожиданная встреча. А я иду по Невскому и думаю: что-то меня сегодня никто не преследует? Чуть шею себе не свернула. Где же он? Где же он? Неужели так ловко научился маскироваться? Или – того хуже. Разлюбил и бросил. Или ещё хуже... Почему вы опять молчите и ничего не отвечаете? Как с вами трудно беседовать.

РЕЖИССЁР. Вы же опять не даёте вставить слово. Сами спрашиваете, сами отвечаете...

РИТА. Но хоть верно отвечаю?

РЕЖИССЁР. Смотря что.

РИТА. Что же я там могла верно ответить? Неужели – разлюбил и бросил? Но зачем вы тогда пришли сюда? Насладиться моими страданиями? Нет, вы не такой. Значит, остаётся вариант «Б» - «ещё хуже».

РЕЖИССЁР. Вы так и не сказали, что это такое – «ещё хуже».

РИТА. Вот и подумайте на досуге.

РИТА. Если не я, то, что же вас сюда опять привело?

РЕЖИССЁР. У меня здесь назначена встреча. С артистами. Репетиция.

РИТА. У нас? Здесь? А почему сразу не сказали?

РЕЖИССЁР. Сказал сразу, как только представилась возможность.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Рита, кофе.

РИТА. Спасибо. (*Подсаживается за столик к режиссёру.*) А это что? Пьеса? А что вы ставите?

РЕЖИССЁР. Не совсем пьеса... Скорее - сценарий. Это не то чтобы спектакль... некое мероприятие. Театрализованное.... Вам не интересно.

РИТА (*берёт и просматривает листы сценария*). «Выходят дети из подшефной школы... Спасибо за вашу любовь и внимание... Исполнились наши мечты и желания... Выходит Пётр Первый и читает отрывок из поэмы... «Здесь будет город заложен... Назло надменному соседу...» Тра-та-та-там... «суждено... В Европу прорубить окно...» Это что? Неужели из вашего? Боже! Да вы ещё и стихи пишете? А я-то, дура, ещё раздумывала: полюбить вас или нет? А вы оказывается - гений...

РЕЖИССЁР (*забирает у неё листы сценария*). Ну зачем вы так? Театр это, знаете, не только - высокое и всегда для души. Иногда приходится и такую работу делать.

Мероприятия. Корпоративы... Да, и такая работа бывает. И эта работа тоже требует творческого подхода. Если хотите, таланта. Что вы так смотрите?

РИТА. Заслушалась. Вы так интересно рассказываете про свою профессию! Я ведь журналист. А давайте я прямо сейчас возьму у вас интервью. Вы же мне не откажете? Скажите, пожалуйста, над чем вы сейчас работаете? Ах, простите, вы ведь уже сказали.

Корпоратив. Боже, как интересно! Я так понимаю, что это далеко не первое ваше художественное высказывание в таком формате. Ой! Извините. Я опять не даю вам вставить слово. Да мне кажется, что вы и не очень хотите.

РЕЖИССЁР. Почему же... У нас же интервью. Вы задаёте вопросы. Я отвечаю. Да. Вы верно заметили. Это моё не первое высказывание в таком формате. И надеюсь – не последнее. Можно сказать, что я профессиональный халтурщик со стажем. Основной художественный посыл, который я адресую зрителю своим творчеством: за ваше бабло – любой каприз! Вот как-то так... Я ответил?

РИТА. Грустное получилось интервью. Зря я его затеяла. Но зато это – самое откровенное интервью в моей практике.

РЕЖИССЁР. А мне понравилось. И теперь не надо врать. Лить вам в уши – какой я гениальный, непризнанный. Или, наоборот, признанный... Обещать снять в главной роли... Теперь вы знаете, что имеете дело с махровым халтурщиком. Но... Есть плюс. Я всё-таки профессионал своего дела. Меня ценят. Потому что я всегда что-нибудь этакое придумую. Оригинальное. Это тоже надо уметь. Вот даже взять этот сценарий...

РИТА. А давайте не будем брать этот сценарий. У меня идея! Если вы такой талантливый в своём деле, давайте забабахаем этаким театрализованным перформанс. Акцию против сноса этого дома. Кто там у вас занят?

РЕЖИССЁР. Да, собственно, все ваши. Петр Первый, Ленин... Ну все, кто тут.

РИТА. Вот и отлично! Вот их всех и привлечь. Заголовок: исторические и литературные персонажи встали на защиту культурных ценностей! Пригласим телевидение!

РЕЖИССЁР. Да. Очень даже зрелищно можно сделать. Подпишем монолог Петру Первому, что-нибудь... Я этот город заложил среди лесов, среди болот... тра-та-та-там... Как вечной красоты оплот... Болот-оплот... не очень, но потом подправим...

РИТА. А потом сразу Ильича выпускаем. Контру развели! Идеологические проститутки! Небоскрёбов вам захотелось? А вот я вам сейчас поскребу в одном месте!

РЕЖИССЁР. Хорошо бы Гоголя как-то привязать. Типа – мёртвые души те, кто покушаются на свою культуру. Нормально? Николай Васильевич, как думаете, справитесь?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Арапа этого тоже хорошо бы к делу пристроить. Только он по-русски совсем не говорит.

РЕЖИССЁР. Так может это не Пушкин будет, а его прадед. Говорят, свиреп был невероятно.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот пусть он этого нового архитектора прилюдно на куски и порежет.

РЕЖИССЁР. В жанре революционных уличных мистерий. Очень эпично может прозвучать.

РИТА. Да что архитектор? Ему заказали, он и нарисовал.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот с тех, других, которые заказали, и спросить. Неужели всё-таки снесут наш домик?

РИТА. Через два дня последнее заседание комиссии. Если новых документов не предоставим, скорее всего, будет окончательно.

РЕЖИССЁР. А есть что предоставить?

РИТА. Известно, что Гоголь после премьеры «Ревизора» от всех скрывался. Есть предположение, что как раз вот в этом самом доме.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Слухи - не документ, к делу не подошьёшь. А вот нас очень даже могут.

РИТА. Николай Васильевич, вот умеете вы поддержать в трудную минуту.

РЕЖИССЁР. Но в чём-то он прав.

РИТА. И вы туда же? Уже и не рады, что связались?

РЕЖИССЁР. Нет, я готов. И по литературной части, и постановочно... Но вот прежде, наверное, надо с кем-то посоветоваться... Санкционировать...

РИТА. Вы это серьёзно? Просто признайтесь, что испугались.

РЕЖИССЁР. Нет, вы не так поняли. Просто надо всё тщательно продумать, чтобы потом не было неприятностей. Чтобы ненароком не задеть и не оскорбить чьих-нибудь...

РИТА. Стоп! Уже ничего не надо. Спасибо за консультацию. Не смею отвлекать от творческих замыслов. Офисные работники уже, наверняка, ждут, не дождутся, когда вы отправите их бегать в мешках. Кстати, рифма «болот -оплот» - так себе... Но вы всё равно не забудьте её использовать. Такие художественные находки под ногами не валяются.

Рита сметает листы сценария со стола на пол и уходит из кафе.

Режиссёр наклоняется и начинает их поднимать.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что-то я не понял. Всё? Не будет ничего? Или как?

РЕЖИССЁР (*отбрасывает в сторону собранные листы сценария*). Или как...

13.

ВТОРАЯ СЦЕНА ГЕНЕРАЛА И СЕКРЕТАРЯ.

ОТКАЗ ОТ НОСА.

Кабинет Значительного лица.

Генерал. Появляется секретарь.

СЕКРЕТАРЬ. Разрешите?

ГЕНЕРАЛ. Есть что-то из новостей?

СЕКРЕТАРЬ. Да так... всё мелкие происшествия... Из губернского департамента сообщают о задержании по подозрению в мошенничестве некоего коллежского советника в отставке. Ведь до чего додумался? Скупал у помещиков мёртвые души, которые ещё числились как живые.

ГЕНЕРАЛ. Экий прохвост!

СЕКРЕТАРЬ. А вот совсем анекдотичная история. В одном из уездных городов проезжающего мелкого столичного чиновника, некоего Хлестакова, приняли за ревизора инкогнито.

ГЕНЕРАЛ. И что же?

СЕКРЕТАРЬ. Поговаривают, что местные чиновники сами, без всякого к тому понуждения, одарили вышеуказанную особу всевозможными подношениями... В том числе и денежными. Но, поскольку причастные к происшествию лица всё отрицают, то официального хода расследованию дано не было.

ГЕНЕРАЛ. Ну, коли - никто ничего не давал... Никто ничего не брал... Так и дела никакого нет. Кстати, чем там кончилась история с этим носом?

СЕКРЕТАРЬ. Изловлен. И находится под присмотром.

ГЕНЕРАЛ. Прекрасно. Ну так вызовете этого...

СЕКРЕТАРЬ. Ковалёва.

ГЕНЕРАЛ. Да. Его. Пусть уже забирает. И конец истории.

СЕКРЕТАРЬ. Уже вызвали. Но он отказывается получить. Не признаёт. Говорит - не его.

ГЕНЕРАЛ. Что значит, не его? Да и почему он решил, что не его?

СЕКРЕТАРЬ. Есть некие сомнения... Да вот сами не желаете взглянуть? Я его на всякий случай сюда велел сопроводить. *(Кричит в сторону двери: «Давай его сюда»)*.

Входит Нос-Азибек. Тут же начинает что-то быстро тараторить по-узбекски.

ГЕНЕРАЛ. А что? По мне так очень даже хороший нос. Что, братец, набегался? Ничего. Сейчас мы тебя пристроим на место. Будешь доволен.

Азибек отчаянно жестикулирует и что-то оживлённо говорит в ответ.

ГЕНЕРАЛ. О! Смотри, понимает. Должно быть радуется. И чем он ему не подошёл?

СЕКРЕТАРЬ. Говорит – не его. И даже по-русски не понимает.

ГЕНЕРАЛ. Ну, ему с ним не разговоры разводить... Может у него в роду какой татарин был или ещё кто... Вы вот что, любезный, сходите-ка к нашему гарнизонному лекарю, и, если он окажется не очень пьян, попросите прийти и пришить этому... нос.

СЕКРЕТАРЬ. А если майор Ковалёв выразит несогласие?

ГЕНЕРАЛ. В кутузке посидит пару дней, сразу согласится. *(Азибеку.)* И ты, братец, ступай. Сейчас Порфирий Петрович придёт, живо пристроит тебя на место.

Азибек, отчаянно жестикулируя, пытается что-то сказать в ответ.

ГЕНЕРАЛ. Чего это он?

СЕКРЕТАРЬ. Благодарит, должно быть.. Давай, давай ступай. Нечего тут.

(Выпроваживает Азибека.)

ГЕНЕРАЛ. Кстати, давно хотел спросить: а куда подевался этот... как его, который мне чинил всё время перья.

СЕКРЕТАРЬ. Поприщин Аксентий Иванович.

ГЕНЕРАЛ. Да, он. Уж больно хорошо чинил. Я уже привык.

СЕКРЕТАРЬ. Несколько дней, как не приходил на службу. Я прикажу справиться о его здоровье.

ГЕНЕРАЛ. Да, уж, прикажите. А то скоро и писать станет нечем.

14.

ПЯТАЯ СЦЕНА В КАФЕ.

СЦЕНА ЭКСПЕРИМЕНТА И ПЕРЕДАЧИ СЦЕНАРИЯ.

Трактир.

Николай Васильевич.

Заходит Режиссёр, подходит к прилавку.

РЕЖИССЁР *(шёпотом)*. Этот не появлялся?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(шёпотом)*. Это вы про кого?

РЕЖИССЁР. Нос этот. Турок, узбек, татарин... кто он там...

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А этот... Да его уже спрашивали. И что он вдруг всем понадобился?

РЕЖИССЁР. Кто, кто его спрашивал?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*пониженным голосом*). Серьёзные люди интересовались. И потом ещё приходили. Другие. Эти уже совсем, совсем серьёзные.

(*Многозначительно поднимает вверх указательный палец.*) Оттуда. Понимаете?.. Два дня безвылазно сидели тут у меня. Дожидались.

РЕЖИССЁР. И что?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Не дождались. Но расплатились – всё чин по чину. Только квитанцию попросили. Для отчётности, наверное. Я же говорю: серьёзные товарищи. А вы, что? Тоже оттуда?

РЕЖИССЁР. В том-то и дело, что только, только оттуда. (*Перехватывает удивлённый взгляд Николай Васильевича.*) Нет! Вы не подумайте. Не в том смысле оттуда, что я оттуда... А оттуда, в смысле, что я там был. Но при этом - не оттуда. Понимаете? У вас водка есть?

БАРМЕН (*наливает и подаёт водку*). Квитанция нужна?

РЕЖИССЁР (*давится водкой*). Да я же вам объясняю, что я не оттуда.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да мне всё равно.

РЕЖИССЁР. А мне нет.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Просто мне показалось, что вы сами сказали - «оттуда».

РЕЖИССЁР. «Оттуда» - не в смысле принадлежности, а «оттуда» в смысле, что я там был. Вы понимаете разницу? Налейте ещё водки.

Николай Васильевич наливает водки. Пробивает и даёт чек.

РЕЖИССЁР. Вот вы зачем мне чек даёте? Я не просил.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ваши все просят.

РЕЖИССЁР. Кто, кто «наши»?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ваши... Ну, которые... (*Указывает пальцем вверх.*)

РЕЖИССЁР. Издеваетесь? Ну, как вам ещё... Я всё-таки выпью. (*Выпивает.*)

Хорошая водка.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы это отметьте там у себя.

РЕЖИССЁР. Что, где я должен отметить?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Не знаю. Но вот эти, которые тут сидели, вы понимаете...

Они всё время что-то отмечали, писали.

РЕЖИССЁР. Так ... пробую объяснить. Вы же, кстати, я слышал, пишете. Должны понять. Русский язык... Там такой словарный запас... Но при этом существуют слова, которые при одинаковом звучании в зависимости от контекста имеют различные смысловые значения. Я не очень сложно объясняю?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да нет, я понял.

РЕЖИССЁР. Наконец-то. Что вы поняли?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, что вы... (*Понижает голос. Доверительно.*) Не хотите, чтобы кто-то знал, что вы... (*Указывает пальцем вверх.*) Поэтому и чеки не хотите брать. Но вы не волнуйтесь. Я их сохраню, а потом вам все сразу и передам. Чтобы вы могли отчитаться.

РЕЖИССЁР. Где отчитаться?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Не знаю... Там... Откуда вы...

РЕЖИССЁР. А откуда я?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы же сами сказали. Да это не моё дело. Я вообще не должен знать, кто вы, что вы, откуда... Ещё что-нибудь заказывать будете?

РЕЖИССЁР. Буду. Водку. Чека не надо. И сдачи не надо.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Намёк понял.

РЕЖИССЁР. Стоп! Вот что это сейчас было? Что это за - «намёк понял». Вот, что это вы поняли?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Послушайте, вас никто за язык не тянул. И я у вас ничего не спрашивал. Вы сами сказали: я тоже - оттуда. Если вы случайно проговорились, и я это не должен знать, не волнуйтесь. Могила. Всё, забыл.

РЕЖИССЁР. Но следует, же различать смысл. Откуда? Оттуда! И совсем другое. К вам приходили – оттуда. Вам звонили - оттуда... И все понимают. И никто не спрашивает: откуда приходили, откуда звонили... Понимаете разницу? Если не спрашивают - откуда? Значит, всем понятно, что - оттуда. А вот если спрашивают, значит это - география. Требуется уточнения. Это же элементарно. Теперь-то понятно?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да что тут непонятного?

РЕЖИССЁР. Нет, я вижу, что вы внутренне не согласны. Давайте проведём

небольшой лингвистический эксперимент. Очень простой. Готовы?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Смотря что. Я ничего подписывать не буду.

РЕЖИССЁР. О, господи! Так... Что там у вас, кухня?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Кладовка.

РЕЖИССЁР. Когда я зашёл, вы как раз вышли оттуда. (*Указывает рукой в сторону кладовки.*) Всё верно?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я ходил за салфетками.

РЕЖИССЁР. Могу я вас спросить: откуда вы их принесли?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Оттуда. Из кладовки.

РЕЖИССЁР. Отлично! Могу ли я на основании того, что вы пришли (*указывает на кладовку*) оттуда. Сделать вывод, что вы (*указывает пальцем наверх*) – оттуда. Вы понимаете?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. В том смысле, что я ... (*Указывает пальцем наверх.*)

РЕЖИССЁР. Именно. Нет? А ведь вы произнесли это слово. Теперь понимаете разницу? Оттуда (*Указывает на кладовку.*) И оттуда (*Указывает пальцем наверх.*) Так вот, когда я сказал оттуда, то имелось в виду, что я не оттуда (*Указывает пальцем наверх.*) А оттуда (*Указывает на кладовку.*)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Из кладовки?

РЕЖИССЁР. Неким образом.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. И что теперь?

РЕЖИССЁР. Всё. Поздравляю. Мы успешно проделали наш эксперимент. Выяснили все смысловые значения слова «оттуда». Можно по этому случаю ещё раз выпить водки. Налейте себе тоже. Я угощаю.

БАРМЕН (*разливает*). Никогда, ни разу не участвовал, ни в каких экспериментах.

(*Чокаются.*) Ваше здоровье. Это вас - ТАМ? - специально такому обучают.

РЕЖИССЁР (*поперхнувшись водкой*). Где? Где - «ТАМ»?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну как, где... (*шёпотом и указывая пальцем наверх*) Там...

РЕЖИССЁР. Так... Предлагаете перейти к анализу значения слова «там»? Вы что, издеваетесь? Мы же только что всё выяснили. Даже эксперимент провели. Вы что, психопата хотите из меня сделать? Ну как вам ещё объяснить?

В кафе входит Рита.

РИТА. Что здесь происходит? А! Господин режиссёр? Ищите в рюмке вдохновение?

РЕЖИССЁР. Да вот... Николай Васильевич почему-то решил, что я (*Понижает голос.*) – ОТТУДА. И меня - ТАМ – чему-то такому специально обучили.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Эксперимент со мной проделал. И ещё про парня этого, который нос, спрашивал.

РЕЖИССЁР. Вы даже не представляете, насколько всё серьёзно. Я просто не могу всего рассказать... Не имею право.

Бармен подмигивает Рите и многозначительно поднимает вверх указательный палец.

РЕЖИССЁР. Вот не надо ваших вот этих намёков. Вы даже не представляете, какие у него неприятности. (*Шёпотом.*) Я хотел предупредить.

РИТА. Трогательная забота. Но только, пожалуйста, не надо больше искать повода для встреч со мной.

РЕЖИССЁР. Да я не обязан оправдываться. Да мне и не в чем. Чуть не забыл. Хотел вам показать. Если передумаете, на первой странице телефон. (*Кладёт на стол папку и направляется к выходу. Сделав несколько шагов, разворачивается и возвращается назад.*) Николай Васильевич, если придёт кто-нибудь «оттуда», то можете им сказать, что я вышел отсюда и пошёл туда – неизвестно куда... Надеюсь, это вас всех убедит, что я не ... (*поднимает указательный палец вверх*). Ведь те, кто работают «там» не будут спрашивать про того, кто «оттуда» (*поднимает вверх палец другой руки*) - откуда, куда и зачем он пошёл. Надеюсь, я ясно объяснил? Счастливо оставаться.

Уходит.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Рита, ты чего-нибудь поняла? Оттуда... откуда... Экспериментатор.

Рита открывает папку и читает её содержимое.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Совсем запутал. Оттуда... откуда...

РИТА. Николай Васильевич, подождите. Потом расскажете. (*Пролистывает папку.*) Знаете, что это? Он всё-таки написал. Полный сценарий. «Сценарий театрализованной акции в защиту исторического и культурного памятника архитектуры». Почти всё как мы тут тогда накидали. Даже эту дурацкую рифму «болот-оплот» оставил. А говорил, что потом подправит.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Халтурщик. Что и архитектора кончат?

РИТА. Нет тут немножко по-другому... Даже интереснее... Чёрт! Николай Васильевич, вы не представляете, что он тут в конце придумал. Это будет бомба! Нет, всё-таки зря я его так. Он, конечно, не гений. Но такое придумал на финал. Да мы всех порвём! Ну что, будем звонить?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да он, наверное, и недалеко ушёл. Скажи: Николай Васильевич понял разницу... Ну, он поймёт! Скажи, с меня причитается.

15.

СЦЕНА СЛЕДОВАТЕЛЯ И НОСА МАЙОРА КОВАЛЁВА

Кабинет следователя.

Следователь и Нос майора Ковалёва.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*читает ориентировку, периодически бросая взгляд на сидящего напротив Нос майора Ковалёва*). Так... волосы чёрные... Свои, не крашенные?

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Самые, что ни на есть, натуральные. Собственно, я только хотел спросить...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вопросы здесь задаю я. *(Продолжает чтение.)* Нос широкий, приплюснутый... Чуть выше голову поднимите. Вроде, есть немножко.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Господин...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Гражданин следователь. Сколько можно повторять?

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Гражданин следователь! Побойтесь бога! Да где же, каким местом приплюснутый? Вы в профиль посмотрите. Это же классический греческий нос! Это же – произведение искусства.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Гражданин, вы мне мешаете производить опознание. Рост - ниже среднего. Ноги - кривые...

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Нет, но это непостижимо. У кого ноги кривые? У меня кривые ноги? Да я когда в салоне мадам Величаевой на прошлой неделе мазурку танцевал, так все барышни изволили восхищаться. Да смог бы я разве с кривыми ногами произвести подобный *produire un effet*? Господин...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Гражданин. А вот вы и проговорились.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Что мазурку танцевал?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что иностранными языками владеете. А тут не указано. Значит, скрывали. Возникает вопрос: почему скрывали? От кого? Где и когда обучались иностранным языкам? С какой целью? И почему, кстати, скрывали, что владеете русским языком? Много, очень много возникает дополнительных вопросов. Но это позже. А пока вернёмся к главному - вашему участию в корпоративном мероприятии. И к тому, что там произошло. Постарайтесь подробнее. От кого получили задание? Кому впоследствии были переданы собранные вами денежные средства...

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Господин...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Гражданин! Вы так ещё и не поняли, где находитесь?

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Гражданин... так я и хочу, с самого начала хочу понять. Богом молю, скажите, а где я нахожусь! Это же просто что-то невообразимое... impossible... Где я?

Раздаётся телефонный звонок. Следователь берёт трубку.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Слушаю. *(Поднимается со стула и встаёт по стойке смирно.)* Слушаю, товарищ... Да... Да... Так точно... У меня. Прямо сейчас? Понял... Всё понял... Всё, всё понял. Есть! Можете не сомневаться. Разрешите выполнять? Есть! До свидания, товарищ... *(Кладёт трубку. Садится за стол и внимательно смотрит на Нос майора Ковалёва.)* Да... Интересные дела... Всё! Поздравляю вас, гражданин...Кстати, так и не выяснили вашу личность. Да теперь это уже и не важно, кто вы, да что... Дело закрыто. Поздравляю. Не было ничего. И корпоратива этого не было. И вас не было. Вообще ничего не было. Никто ничего не брал. Никто никому не давал... А раз так, то и дела никакого нет. Вот ведь как...

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Правильно ли я понимаю, что могу быть свободен?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да. Хотя, конечно, личность вы подозрительная... Но, приказ – есть приказ... Свободны!

Нос майора Ковалёва встаёт и направляется к выходу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хотя, нет. Стойте! Минуточку. Где-то мне тут подалось в последних сводках... *(Роется в бумагах.)* А, вот... Заявление от владельца рекламной фирмы гражданина Абдураимова Нуридин Сиро... жид... ди-но-вича на кражу и пропажу носа. В розыске вы, гражданин! Так что придётся ещё посидеть.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Господин... Гражданин... какой ещё Абду... раим...

Нуридин... Господи, да что же это делается? Да скажите мне, наконец? Где я?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вот сейчас этот (*заглядывает в ориентировку.*) Абдураимов Нуридин... Короче, он сейчас за вами придёт и сам лично всё и объяснит – где вы, и что с вами делать.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Господин... гражданин... я не знаю никакого Абду...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы мне мешаете. (*Звонит по телефону.*) Филатов на месте? Позовите его.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Гражданин... Умоляю... Я не хочу ни к какому Абду ...

Сержи... беку... Это какая-то ошибка. Я не знаю никакого Абду...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да подождите вы... Филатов? Да, я. Слушай, ты на меня раскрытие кражи запиши. Я тебе потом все бумаги подошлю. Кража в рекламной фирме. Да оперативно. Работаем, а ты как думал? Учись! Отбой!

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Гос... гражданин... Не надо меня отдавать этому Хаджи... Сержи... Гражданин... Тогда лучше уж отправьте меня назад, к майору Ковалёву.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. От майора Ковалёва никакого заявления не поступало. Ну что? Что вы так разволновались? Сейчас придёт (*смотрит ориентировку.*) Нуридин Сиро-жидинович... говорите, не знакомы? А вот мы и посмотрим.

16.

ШЕСТАЯ СЦЕНА В КАФЕ.

ПОДГОТОВКА К РЕПЕТИЦИИ. ДОКУМЕНТЫ

Николай Васильевич протирает посуду и повторяет текст представления.

ГОГОЛЬ (*репетирует свой монолог*). Мёртвые души – к сожалению, не остались плодом фантазии на страницах моего романа. Оглянитесь... оглянитесь... Чёрт! Сбился. (*Смотрит в текст.*) Оглянитесь вокруг, загляните внутрь себя... Себя... (*Смотрит текст.*) И задайте себе вопрос... Опять забыл... Ещё раз ...

Входят Яновский и Павел Иванович. Прислушиваются к монологу.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. И задайте себе вопрос: а есть ли у меня душа? А если есть, то жива ли она ещё? Способна испытывать боль, сострадание? Чувствовать и ценить красоту? (*Замечает вошедших.*) Ну как?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Bravo! Очень, очень так проникновенно. Это откуда, не припомню-с...

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы разве не знаете? Мы же тут целое представление даём! Сейчас все должны подойти. Кстати, тут вас одна из паспортного стола искала.

Выселять вас хочет.

ЯНОВСКИЙ. Павел Иванович, вы же говорили, что всё устроили.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Прописаны самым наилучшим образом. Комар носа не подточит.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот и она удивляется, как так получилось. Прямо, говорит, чертовщина какая-то!

Входит Рита с большим тюком.

РИТА. Еле дотащила. (*Распаковывает и достаёт исторический костюм Екатерины Второй.*) Дали всего на один вечер. (*Прикладывает к себе.*) Ну как? (*Декламирует.*)

Высочайшим указом повелеваю строить в Петербурге не выше карниза Зимнего дворца! Не более десяти сажен. А тех, кто дерзнёт нарушить... Как? Нормально? Может мне ещё веер взять?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. С веером - совершенно замечательно будет.

ЯНОВСКИЙ. Позвольте поинтересоваться: представлять что-то собрались?

РИТА. Мы решили нанести ответный удар. Как в кино, помните? Империя наносит ответный удар! Вот и мы. Исторические и литературные персонажи встают на защиту культурных ценностей! Привлекаем общественность, телевидение... Пётр Первый, Ленин... Короче, все.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Даже басурману этому – моя грендфаза – браза Пушкин... - нашли работу.

РИТА. Но главная фишка не в этом. Мы тут такое придумали. В жизни не догадаетесь. Немного нечестно, но ради дела можно немного и... Имеем мы право на художественный вымысел?

ЯНОВСКИЙ. Какой же без этого театр?

РИТА. Вот. Даже вы понимаете. Значит и другие поймут.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Голубушка, вы так и не сказали, что же такого надумали? Прямо сгораю от любопытства.

РИТА. Мы делаем анонс: что располагаем подлинными документами, подтверждающими историческую значимость этого дома. И готовы их вручить лично членам комиссии в финале нашего представления.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Осмелюсь осведомиться: так и документы есть в наличии?

РИТА. Ненастоящие, конечно. Бутафория. Реквизит.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. А от чего же ненастоящие?

РИТА. Шутите? Откуда у нас настоящие? Да их и нет. *(Достаёт и показывает документы.)* Мы специально художнику заказали. Правда, классно сделаны?

ЯНОВСКИЙ. Всё это прекрасно, но я не совсем понял: а что будет потом, когда вскроется, что никаких документов, собственно, нет. Это же будет скандал.

РИТА. И хорошо, что скандал. Возникнет дискуссия, имели ли мы право так поступить? Внимание общественности к проблеме...

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Вы позволите взглянуть на, как вы выразились, вашу бутафорию. *(Берёт из рук Риты документы. Брезгливо держит их в некотором отстранении от себя на вытянутой руке.)* Вот это вот? Сударыня, да это и документом назвать совершенно невозможно. Это просто какая-то полнейшая дрянь, а не бумага.

РИТА. А, по-моему, так очень даже хорошо выглядит.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. А подпись. Вот это вот... Вы хотите сказать, что это подпись Гоголя? *(Яновскому.)* Не желаете ли взглянуть?

ЯНОВСКИЙ. Какая, собственно, разница? Друг мой, голубушка, скажите, а что, окажись эти бумаги настоящими, - вот в таком случае это могло бы как-то повлиять на решение комиссии?

РИТА. Если бы... мы бы тогда на пушечный выстрел к этому дому никого не подпустили.

ЯНОВСКИЙ. Павел Иванович, полностью с вами согласен: данные бумаги - совершеннейшая дрянь. Просто недостойно вручать такое художество комиссии. Даже если это и бутафория. Что думаете?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Даже в руках держать неприятно. *(Комкает, рвёт в клочья и отбрасывает обрывки в сторону.)*

РИТА. Что вы наделали? Вы... вообще... Вы... зачем вы это сделали? Где я сейчас возьму новые?

ЯНОВСКИЙ. Да что вы так переживаете? Павел Иванович – обладает редкими художественными талантами. Он вам ещё и лучше сделает. Уверяю вас, абсолютно не стыдно будет вручить самой уважаемой комиссии. Павел Иванович, посодействуете? ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Почту за честь.

РИТА. Так мы ведь уже вот-вот начинаем. Когда же он сделает?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Не извольте беспокоиться. В самом наилучшем виде и сделаем. Нам бы только в уголочке стать, чтобы никто не мешал.

РИТА. Зачем я вам только показала. А образец? Текст черновика. Откуда вы знаете, что написать?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Будьте совершенно на этот счёт покойны. И текст, и всё остальное... Комар носа не подточит. Уверяю вас, бумажки такой фурор произведут.

Отходят к концу барменской стойки. Павел Иванович достаёт из своей шкатулки чернильницу и чистый лист бумаги.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Хорошо всегда запасец иметь.

ЯНОВСКИЙ. Павел Иванович, расписочка на оплату ста пятидесяти рублей за арендную плату у вас ведь ещё осталась?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. А как же! И число там подходящее – одна тысяча восемьсот тридцатого года.

ЯНОВСКИЙ. Значит, нужен только черновик. Кого же мы сюда поселим?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Так может, майора Ковалёва и поселим. Личность известная.

ЯНОВСКИЙ. Отчего же нет? *(Начинает писать.)*

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы бы присели. Удобнее писать будет.

ЯНОВСКИЙ. Спасибо, я так, стоя, привык. Где он там у нас проживал? На Садовой? А вот мы его, голубчика, вот сюда... Как там было? *(Сам себе диктует и записывает)* «Послушай, голубушка, — говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки, — ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой...»

Вычёркиваем Садовую. И пишем... Как эта улица... *(Пишет.)* Павел Иванович, посмотрите, я правильно адрес прописал?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. В совершенной точности. Хорошо бы так ещё почёркать немного. Всё-таки черновик.

ЯНОВСКИЙ. Отчего же. Вот тут, к примеру... *(Диктует и пишет.)* «Ты спроси, душенька, квартиру коллежского асессора Ковалева». А потом, как бы передумал, «ассессора» вычёркнул... *(Вычёркивает.)* И вписал «майора». Мне кажется, достаточно. Что скажете?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Превосходно! *(Подхватывает лист бумаги, посылает его песком и затем немного потряхивает, давая чернилам окончательно просохнуть.)* Вот это я понимаю – бумага. Документ. Таковую не стыдно хоть кому представить.

ЯНОВСКИЙ. Да, славно получилось. Павел Иванович, но, однако ж, нам пора. Загостились мы тут. Николай Васильевич, вас не затруднит передать эти бумажки?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(берёт бумаги)*. А вы, что же, не останетесь на представление. Чего только не придумали! Если честно, я волнуюсь.

ЯНОВСКИЙ. Текста не знаете?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Другое. А вдруг меня не узнают? Вот только честно: похож?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Вылитый Гоголь. Даже лучше оригинала.

ЯНОВСКИЙ. Николай Васильевич, уверяю вас, всё пройдёт самым замечательным образом.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Голубчик, готовьтесь, тут у вас скоро такое начнётся. Это я вам точно говорю.

17.

ВТОРАЯ СЦЕНА СЛЕДОВАТЕЛЯ И РЕЖИССЁРА

Кабинет следователя.

Следователь и Режиссёр

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вам свет не мешает? Могу убрать.

РЕЖИССЁР. Да нет, мне всё равно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А раньше мешал. Вот уж не думал, что мы с вами ещё раз встретимся.

РЕЖИССЁР. Да и я не предполагал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вы изменились. По-другому держитесь. Даже не знаю, как с вами и разговаривать.

РЕЖИССЁР. Если вы опять по поводу того корпоратива. Ничего нового сообщить не могу. И с тем исполнителем – Носом – больше никогда не встречался.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да это уже прошлое. Это мы уже сами как-то решили. У меня другой вопрос: зачем вам понадобилось ввязываться в какую-то сомнительную акцию? Да ещё выступать в числе её организаторов?

РЕЖИССЁР. А почему нет? Люблю свой город.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот только не надо. С чего вдруг такие перемены?

РЕЖИССЁР. Честно? Боюсь, только вы не поверите.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А это уже мне решать.

РЕЖИССЁР. Хотел сделать приятное одной девушке. Понравиться ей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И что? Получилось?

РЕЖИССЁР. Надеюсь, что да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Действительно, трудно поверить. А, может быть, кто-то вас попросил это сделать? А вы не подумали, что и вас, и вашу приятельницу использовали в чьих-то интересах?

РЕЖИССЁР. Получается, вы тоже на стороне чьих-то интересов?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В данном случае мы занимаемся проверкой. Поступило заявление на фальсификацию и введение в заблуждение с целью извлечения выгоды.

РЕЖИССЁР. Я занимался только театрализованной частью представления.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот как раз по этой «театрализованной части» и вопрос. Там почти в самом конце. Как у вас правильно называется – финал?

РЕЖИССЁР. Вы в беседах со мной многому научились.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Приходится. Так вот, там у вас в финале выходит персонаж Гоголь. И в стихах, художественно так сообщает, как проживал в этом доме... Какое вдохновение он тут пережил, когда писал одну из своих повестей...

РЕЖИССЁР. А в чём вопрос?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В конце этого монолога он достаёт какую-то расписку об оплате квартиры и ещё страницу черновика... Документы, прошу заметить. А это уже не художественный вымысел. Документы. И вручает их под телевизионными камерами специально приглашённым членам комиссии.

РЕЖИССЁР. О чём вы говорите? Какие документы? Это же реквизит. Изготовили, чтобы лишний раз напомнить, привлечь внимание.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ещё как привлекли. Знали бы вы, какого было удивление одного из членов комиссии, когда он на этот ваш «реквизит» глянул? Так и обомлел. А он, будьте уверены, в таких бумажках толк знает. Да это же, говорит, рука Гоголя! И пошло! И

все вслед за ним. Рука Гоголя! Рука Гоголя... Вот и вопрос: откуда у вас среди, как вы говорите, реквизита появился подлинный документ?

РЕЖИССЁР. Шутите? И действительно доказано, что подлинный?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, вот такую вы позицию избрали? Удивляться. Хорошо. Вот отчёт по экспертизе. Но почерк это - так себе доказательство. Один скажет похож, другой - не очень... Сейчас отправили физикам, химикам... Проверят бумагу, чернила.

РЕЖИССЁР. Я больше специалист по постановочной части.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не хотите отвечать. Да мы всё равно выясним. Не понимаю, зачем вам это понадобилось? Вот тут, на этом месте, помните, кричали: во всём виноват Гоголь! В жизни больше с ним не свяжусь... Было?

РЕЖИССЁР. Было. Хотел стать на стезю благонамеренности.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это как же?

РЕЖИССЁР. Целиком подчинить мысли и поступки благонамеренной действительности.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так что же не подчинили?

РЕЖИССЁР. Подчинил. Не поверите, до какой степени самоцензуры дошёл, что даже сжёг пьесу собственного сочинения. Между прочим, про Гоголя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Опять Гоголь виноват оказался?

РЕЖИССЁР. Сейчас, конечно, жалею. Может, ничего лучше уже и не напишу. Но так тогда вы меня этими допросами задёргали. Вернулся домой, напился на радостях, что вернулся. Психанул... Ну, типа, все беды из-за него. Гоголя. И в печку его. У меня камин на даче.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Жаль. Про что хоть пьеса была?

РЕЖИССЁР. Так... Фантастика... Мистика даже. Гоголь как бы оказывается в наше время в Петербурге. Ну и там всякое происходит... Уже не важно...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Любопытно, хоть и фантастика. Хотел вас ещё расспросить по поводу одной парочки личностей. Некого гражданина, представляющегося всем как – Яновский. И второго, фамилия пока не установлена, некий – Павел Иванович. Что можете о них сказать?

РЕЖИССЁР. Почти ничего. Встречались несколько раз. Да вам лучше самому с ними поговорить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ой, как хочется самому. Вы не представляете, как хочется! Так ведь пропали. Как сквозь землю провалились.

РЕЖИССЁР. Вы их в чём-то подозреваете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Самую малость. Жалоба поступила от должностного лица на прописку по подложным документам... Да так чисто сработано. Комар носа не подточит.

РЕЖИССЁР. Ничем не могу помочь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И ведь всё именно в этом самом доме происходит. Совпадение? Кстати... Сейчас только пришло в голову... Как же я раньше не сообразил? Если они такие мастера, то ведь и документки, которые вы комиссии всучили – запросто тоже они могли подделать? А не вы ли их об этом попросили? Что с вами? Что? Прав? Да!? Зацепил!? В глаза мне смотрите!

РЕЖИССЁР. Господи, как я раньше не сообразил! Яновский! И, главное, сидело что-то всё время в голове... Но то одно, то другое... Допросы эти ваши. Корпоративы... Будь они прокляты. Яновский! Как я сразу не догадался? Неужели непонятно?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А что я должен понять?

РЕЖИССЁР. Гоголь - он же при рождении записан по фамилии отца до вручения тому дворянской грамоты. Николай Яновский! Это же просто: Яновский - и есть Гоголь!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А приятель его? Павел Иванович?

РЕЖИССЁР. Само собой – Чичиков.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Которого мы в школе проходили? Собственной персоной пожаловали к нам в Петербург? Это вы свою пьеску решили пересказать? И что там дальше было? Жаль сожгли. Сейчас бы в самый раз почитать. Ох, на опасную дорожку ступаете.

РЕЖИССЁР. Вы спросили, что мне известно об этих гражданах? Я ответил.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мне так и записать в протоколе?

РЕЖИССЁР. Если это необходимо.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы понимаете, что после того, как это будет записано, я обязан отправить вас на экспертизу. Порядок такой. Тут даже от меня ничего не зависит. Протокол. У нас это многие делают, чтобы уйти от ответственности. От неудобных вопросов. Но я бы не советовал. Ват это надо? Вам ещё работать и работать.

РЕЖИССЁР. Что? Корпоративы?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да хоть и корпоративы.

РЕЖИССЁР. Что-то у меня в последнее время как-то не ладится. Что не сделаю, потом у вас в кабинете оказываюсь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вы пишете так, чтобы не оказываться.

РЕЖИССЁР. А можно так написать? Извините. Глупо пошутил. А я решил, что вообще больше ничего писать не буду. Так что, больше повода для встречи у нас не будет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, это меня не касается. Ваши творческие муки, кризисы... это не ко мне. Можете ещё что-то добавить для установки личностей граждан проходящих под именами - Яновский и Павла Ивановича?

РЕЖИССЁР. Могу только повторить уже сказанное. А документы можете отправлять на любую экспертизу. Физикам... Химикам... Кстати, а что вы будете делать, если выяснится, что я прав?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Прав в чём?

РЕЖИССЁР. Что Гоголь с Чичиковым разгуливают по Петербургу? Достанется вам от начальства, что не доложили? Утаить такое событие от общественности. Гоголь в Петербурге!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мне это тоже писать? Хорошо, ваш выбор. Будем оформлять.

(Нажимает на кнопку. Раздается пронзительный звонок.)

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Уведите подследственного.

Режиссёр выходит из кабинета.

Следователь сидит, и некоторое время разбирает у себя на столе бумаги.

Раздается звонок телефона.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Слушаю. *(Вскакивает.)* Да, товарищ... Я как раз собирался доложить... Да... работаем... Есть, есть подвижки... Уже выявлены подозреваемые... Да. Ведём разработку... Имена? Там такая история получается. Даже не знаю, как доложить... По всем предварительным данным следствия выходит так, что во всём виноват... в общем... товарищ... *(Встаёт по стойке смирно.)* Есть доложить по форме. По предварительным данным следствия - во всём виноват Гоголь!.. Да. Возможно, что кличка. Сейчас проверяем... Есть лично докладывать...

18.

ПРОЩАЛЬНАЯ СЦЕНА РИТЫ И РЕЖИССЁРА.

Одиночная палата Режиссёра.

Режиссёр сидит, скрестив ноги на кровати. Вокруг него разбросаны листы бумаги.

РЕЖИССЁР (*сам себе диктует и тут же записывает*). «Прожект по насаждению единомыслия. Для чего следует выработать для всеобщего пользования одну, единую мысль. А других мыслей и не позволять вовсе. Отчего самым естественным путём и возникнет всеобщее единомыслие». По-моему, гениально! Какое сегодня число? Вчера было 32 мартабря. Значит сегодня...сегодня...

Входит Рита.

РИТА. Привет!

РЕЖИССЁР. Привет! Какой сегодня день?

РИТА (*несколько растеряно*). Четверг... нет, пятница. Двадцатое...

РЕЖИССЁР. Стоп! Не надо дальше. Так даже и лучше. То ли – четверг... То ли - пятница... Будет - двадцатого четверпята. Прикольно?

РИТА. Обхохочешься. Вы что, действительно, намереваетесь тут остаться навсегда? Похоже, следователь был прав, и вам тут нравится.

РЕЖИССЁР. Вас тоже вызывали к следователю?

РИТА. Имела счастье беседовать. Между прочим, он сказал, что вы здесь по своей инициативе.

РЕЖИССЁР. Не то чтобы совсем по своей... Как-то так само собой получилось. Но есть и свои плюсы. Полная свобода творчества. Могу писать всё, что взбредёт в голову.

РИТА. Он мне показывал прожекты, которые вы ему ежедневно посылаете. Вот это вы называете свободой?

РЕЖИССЁР. А разве нет? Кстати, сейчас только написал. «Прожект о внедрении единомыслия». Хотите послушать?

РИТА. Не хочу. Может, хватит уже шуток? Пора вам уже выбираться отсюда.

РЕЖИССЁР. Вообще-то, это зависит не только от меня.

РИТА. Следователь сказал, что никто вас не держит. Хоть сейчас отпустят. Надо просто поменять показания. Что вы там ему наговорили?

РЕЖИССЁР. Он ведь, наверняка, и вас спрашивал про документы. Откуда они появились?

РИТА. Да.

РЕЖИССЁР. И что вы ему ответили?

РИТА. А что я могла ответить? Я и сама не понимаю, как это произошло.

РЕЖИССЁР. Ой ли?..

РИТА. Нет, я, конечно, знаю, кто их принёс. Просто не хочу никого впутывать. И лучше, чтобы никто больше не знал. Даже вы.

РЕЖИССЁР. Да я и сам знаю.

РИТА. Откуда? Я же никому... Мне тогда и в голову не могло прийти, что они, действительно...

РЕЖИССЁР. Настоящие. А как они у них оказались? Не думали?

РИТА. Понятия не имею. А вы знаете?

РЕЖИССЁР. Знаю. И даже честно поделился своим знанием со следователем. За что и оказался здесь.

РИТА. Он сказал, что вы несли какую-то ахиною... Пересказывали ему свою пьесу. Это правда?

РЕЖИССЁР. Частично. А я думал, что вы тоже догадались. Это же так просто. Ну! Подумайте сами. Яновский! Ничего не напоминает? Он мне на допросе, когда сказал,

меня прямо как током шибануло! Всё! Всё сходится. Ну же... Яновский – чья фамилия?

РИТА. Яновский... У нас на курсе был один Яновский...

РЕЖИССЁР. Другой! Ещё!

РИТА. Ещё... Не помню... А что?

РЕЖИССЁР. Это же так просто! Яновский - это была первая фамилия Гоголя.

Понимаете?

РИТА. И что?

РЕЖИССЁР. Господи! Как – «ну и что?» А Павел Иванович? Он кто?

РИТА. Кто?

РЕЖИССЁР. Вы же университет кончали. Школу... Кто у Гоголя Павел Иванович?

РИТА. Чичиков. И что? И как это...

РЕЖИССЁР. Нет, вы точно из меня сейчас психопата сделаете. Потому-то эти документы и настоящие, что их Яновский-Гоголь собственной рукой написал. Теперь понимаете? А Павел Иванович, он же при нём вроде секретаря. Ну что тут непонятного?

Рита молчит.

РЕЖИССЁР. Не верите?

РИТА. А чему я должна верить? Что Гоголь с Чичиковым разгуливают по Петербургу? Или вы сейчас специально?

РЕЖИССЁР. А почему бы и нет? Ну всё же сходится. Кстати, обратили внимание на шкатулку Павла Ивановича из красного дерева? Всё, как по писаному. Да вы вспомните! Вот этот Яновский, если ему чуть длиннее волосы и усы – то вылитый Гоголь. Не чета нашему. Я думал, хоть вы поймёте.

Некоторое время оба молчат.

РЕЖИССЁР. Ладно, забудьте всё, что я тут сейчас наговорил.

РИТА. Я всё ждала, что вы в конце скажете: «А прикольно я вас разыграл? Поверили?»

РЕЖИССЁР. Как видите, не сказал.

РИТА. Даже если... если вы так считаете. Пусть так... Но ведь совсем не обязательно это говорить следователю?

РЕЖИССЁР. И что же я ему скажу? Откуда взялись эти документы?

РИТА. Придумайте что-нибудь... Вы же писатель. Можете даже на меня валить. В конце концов, это я принесла на выступление эти бумаги.

РЕЖИССЁР. Отличный план! Хотите на моё место?

РИТА. Почему сразу сюда? Фамилии, имена совпадают – отлично. Но это ещё не значит, что они... Даже если их найдут. Документы ведь настоящие. Значит, им ничего не будет.

РЕЖИССЁР. Да не найдут. Их, наверняка, уже и в городе нет. А жаль.

РИТА. Тем более... И что вам тогда тут?

РЕЖИССЁР. Честно? А я тут очень даже неплохо устроился. У меня отдельная палата. Трёхразовое питание, прогулки... Всё включено. Пишу, что хочется...

РИТА. Мне показалось... Ещё тогда, в первый раз, когда вы шли за мной по всему Невскому... Показалось, что это не просто так. И я когда зашла в кафе, то ещё загадала, если он зайдёт, то... Глупость, конечно. Но тогда мне показалось, что это может быть серьёзно.

РЕЖИССЁР. Правда? А я-то, дурак, стоял у входа и думал: зайти, не зайти... Никак не мог решиться.

РИТА. Почему?

РЕЖИССЁР. Был уверен, что такая девушка не может быть одна. И очень боялся это узнать.

РИТА (*переходит на «ты»*). Но всё-таки ты зашёл...

РЕЖИССЁР. И началась вся эта история... Может, лучше было остаться стоять снаружи?

РИТА. Но тогда мы бы не познакомились... И не было бы ничего. Кстати, Николай Васильевич передавал привет.

РЕЖИССЁР. А как поживают остальные?

РИТА. Да почти никого и не осталось. Пушкина отловили и, похоже, выслали. Оставил мне на память фото своего прадедушки. Пётр Первый наконец-то получил какую-то роль и вернулся в театр. Кто ещё?

РЕЖИССЁР. Ленин.

РИТА. А Ленин, как ему и положено – живее всех живых. Продолжает бомбить туристов.

РЕЖИССЁР. А... Яновский с Павлом Ивановичем, значит, больше не заходили?

РИТА. Их больше никто не видел.

РЕЖИССЁР. Интересно, они ещё в городе?..

Молчат некоторое время.

РЕЖИССЁР. Да ладно, это я, конечно, приколотся. Пошутил. А ты почти поверила? (*Шёпотом.*) На случай, если нас подслушивают.

РИТА. А если я скажу, что поверила? Что изменится? Гоголь... в Петербурге...

РЕЖИССЁР. А где же ему ещё и быть?

РИТА. Так что мы решим?

РЕЖИССЁР. А что тут решать? Пусть пока всё остаётся как есть. Дальше - посмотрим.

РИТА. Обещай хотя бы больше не писать эти дурацкие прожекты.

РЕЖИССЁР. Мне всё время надо что-то писать.

РИТА. Можешь закончить свою пьесу.

РЕЖИССЁР. Может быть... когда-нибудь... Пока не могу придумать финал. Вот если бы Николай Васильевич ещё оставался в Петербурге. Он бы, наверняка, что-то этакое придумал.

Звонит звонок и раздаётся голос: время вашего свидания закончилось.

РИТА. Пора. (*Не трогается с места.*)

РЕЖИССЁР. Пора.

РИТА. Мне почему-то кажется, что всё будет хорошо.

РЕЖИССЁР. Надеюсь. Не люблю открытых финалов.

Звонок.

19.

СЦЕНА НА УЛИЦЕ.

ВСТРЕЧА С НОСОМ МАЙОРА КОВАЛЁВА.

Улица Петербурга. Яновский и Павел Иванович стоят под фонарём.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Николай Васильевич, мы тут закончили, или ещё что-то? ЯНОВСКИЙ. Определённо, что-то у нас с вами пошло не так.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Ну как же не так? Всё так. Сколько дел наворочали. Домик, вон он, стоит. Целёхонек.

ЯНОВСКИЙ. В том-то и дело, что наворочали.

По улице проходит Нос майора Ковалёва.

Раздаёт всем прохожим рекламные проспекты.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА (*протягивает листовку Яновскому*). Не желаете?

ЯНОВСКИЙ (*берёт листовку*). Благодарю вас.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Дозвольте и мне. (*Берёт листовку.*) Очень признателен.

Нос майора Ковалёва разворачивается, чтобы уйти.

ЯНОВСКИЙ. Любезный! Да, вы. Пойдите! Можно вас о чём-то спросить?

Нос майора Ковалёва возвращается к Яновскому.

ЯНОВСКИЙ. Извините, что отвлекаю. Чисто праздный вопрос. Мы с приятелем путешествуем. Интересуемся жизнью и нравами местных жителей...

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. В двух кварталах отсюда есть очень приличная забегаловка. Вкусно и дешево. Если интересуют квартиры, то могу дать рекомендацию... Чисто и недорого. А, если господа интересуются особого вида развлечениями... Вы понимаете... Есть очень приятные в общении барышни...

ЯНОВСКИЙ. Премного благодарен за рекомендации. Но я хотел спросить другое. Как вам тут? Нет ли в чём недостатки? Не скучаете ли?

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Да некогда скучать. Да и не о ком.

ЯНОВСКИЙ. Как? А... ваш прежний... майор Ковалёв? Не хотели бы к нему вернуться?

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Однако... Ну раз уж вы знаете... А может быть, даже и знакомы... Если доведётся повидаться с этим господином, передайте, что я очень даже замечательно поживаю. А скоро буду ещё лучше поживать. Что успешно делаю карьеру... в рекламном бизнесе. Можно сказать даже – в шоу бизнесе. Пусть, сволочь, завидует. Вас не затруднит?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Непременно передадим. Лично-с... Не извольте беспокоиться.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Вы позвольте, господа. У меня ещё несколько деловых встреч.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Не смеем задерживать.

Нос майора Ковалёва откланивается и уходит.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Ну вот. А вы беспокоились. Этот нос, он же хотел свободы. Вот, можно сказать, и сбылась его мечта. Болтайся целыми днями по улицам. Никто его не трогает. Да он по всему видно, что шустрый мальй. Далеко пойдёт.

ЯНОВСКИЙ. Может быть, вы и правы. Но вот инородца этого всё-таки жалко.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Как, а вы разве не слышали? Нос-то наш умудрился майора в свою веру обернуть! Принял ислам, побрился наголо. Вылитый басурманин.

И мало того, распродаёт всё своё имущество и собирается уехать на вечное жительство в дикие степи.

ЯНОВСКИЙ. Опять не гладко. Теперь уже и майора жалко.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Воля ваша, да только всем не угодить... Да и майору только одна польза от нового вероисповедания. Пить перестал. Намного здоровее прежнего выглядит. Ну так что? Всё?

ЯНОВСКИЙ. Нет. Сами знаете, что осталось ещё одно дело. Непременно надо кое с кем попрощаться. Никак нельзя уехать не попрощавшись.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Ну и правильно. Давайте навестим. А то вечно у вас в финале, кого ни возьмёшь – или помер, или умом тронулся. Может хоть в этот раз как-то по-другому обойдётся.

20.

СЦЕНА ПОСЕЩЕНИЯ РЕЖИССЁРА

Палата Режиссёра.

Ночь. Режиссёр спит в своей кровати.

В комнате появляются Яновский и Павел Иванович.

Оба одеты согласно исторической эпохе 19 века.

Яновский внешне полностью соответствует образу Гоголя.

Яновский деликатно покашливает.

РЕЖИССЁР (*просыпается и с удивлением смотрит на посетителей*). Вы? А как вы здесь?..

ЯНОВСКИЙ. Да вот, пришли попрощаться. Мы, собственно, с Павлом Ивановичем уезжаем. Дел у нас тут больше никаких не осталось. Почти не осталось. Но вот перед отъездом решили, что непременно надо с вами повидаться.

РЕЖИССЁР. Это так неожиданно. Хотя, нет. Я знал. Ждал. Вы садитесь! Да тут и некуда... Просто не верится.

ЯНОВСКИЙ. Как вам тут? Надеюсь, холодную воду на голову не льют?

РЕЖИССЁР. Воду? Нет. А что?

ЯНОВСКИЙ. Это я так, уточнил. Чисто из любознательности. Павел Иванович, смотрите, как продвинулась медицина.

РЕЖИССЁР. Может быть, хоть на кровать присядете?

ЯНОВСКИЙ. Да вы не волнуйтесь. Мы и, правда, ненадолго. Хотели только поблагодарить вас.

РЕЖИССЁР. Вы – меня? Да за что же?

ЯНОВСКИЙ. Ну как за что? Да хотя бы за пьесу вашу. Выразить своё восхищение. Прекрасная драма. Или это, должно быть, комедия?

РЕЖИССЁР. Что вы имеете в виду?

ЯНОВСКИЙ. Вот эта, про Гоголя. Как он приезжает в современный Петербург...

Вспомнили? Очень занятно. Нам с Павлом Ивановичем очень понравилась. Читали просто запоем. Невозможно оторваться. Жаль только, что конца нет.

РЕЖИССЁР. Пьеса... Как же вы её могли читать? Я точно помню, что её больше нет. Я её сжёг.

ЯНОВСКИЙ. И это, увы, знакомо... Но, вот Павел Иванович... Вы не представляете, какой он волшебник. Он ни одной бумажке не даст просто так пропасть. Вы, верно, что-то всё-таки сохранили. А Павел Иванович отыскал. Так и прочли. Вы уж простите, что без разрешения. Но очень было любопытно. Вы ведь не сердитесь?

РЕЖИССЁР. Может и хорошо, что нашлась... Действительно, понравилась?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Восхищены!

РЕЖИССЁР. Жаль Рита не читала.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Как же не читала? Кто это вам сказал, что не читала? Да она первая и прочла-с. А мы уже после.

РЕЖИССЁР. И что? Сказала что-нибудь?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Очень, очень хвалила. Так ей понравилось.

РЕЖИССЁР. Да что же ей там понравилось?

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Да всё! А больше всего то, что там стихов нет. Вот, так и сказала: когда он стихов не пишет, то просто гениально!

ЯНОВСКИЙ. Павел Иванович, мне кажется, насчёт стихов вы что-то того... Разве она так говорила? Гениально – это да. Говорила. А про стихи...

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Ну, может быть, про стихи это я уже от себя... Может, действительно, вам бы не стоило их писать.

РЕЖИССЁР. А я больше ничего не буду писать.

ЯНОВСКИЙ. Как же так? А что же вы будете ставить?

РЕЖИССЁР. И ставить ничего не буду.

ЯНОВСКИЙ. И чем же вы, позвольте полюбопытствовать, собираетесь заниматься?

РЕЖИССЁР. А мне здесь ничем и не надо заниматься. Здесь очень покойно. Иногда только некоторые шумят. Но это недолго. Здесь такого не дозволяют. У нас тут тишина и покой.

ЯНОВСКИЙ. Значит всё-таки - тишина и покой... Что ж, ваш выбор.

РЕЖИССЁР. Я доволен.

ЯНОВСКИЙ. Дорогой вы наш, но совсем без дела это же скучно. Особенно для такого просвещённого человека, как вы. Вот мне кажется, что Павел Иванович, мог бы вам порекомендовать прелюбопытнейшее занятие. Оно и не обременительно, и действует успокаивающе. Как раз то, к чему вы стремитесь. Не желаете ли попробовать?

РЕЖИССЁР. Не думаю, что мне надо... Впрочем, только чтобы не обидеть Павла Ивановича.

ЯНОВСКИЙ. Исключительно по этой причине попробуйте. А там уже и сами решите. Павел Иванович...

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Да у меня уже всё и готово. *(Достаёт из шкатулки несколько перьев, ножичек, лист бумаги.)*

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Вот не соизволите попробовать очинить пёрышко? Наука не сложная, но требует терпения и некой сноровки. Дозвольте, я вам буду показывать, а вы повторяйте за мной. *(Даёт режиссёру перо и ножик.)* Вот, смотрите. И делайте как я. Начинаем с одной стороны. Потом переворачиваем и совсем маленький надрез с другой. Не спешите. Прекрасно! Превосходно! Да у вас просто талант. Очень верная рука. А теперь надо вот так вот слегка, ровно посерединке чуть-чуть расщепить... Великолепно!

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ *(наблюдает за Режиссёром)*. И обратите внимание, как успокоительно действует, прямо такое благоденствие наступает, как если бы водочки откушал или вступил на стезю благонамеренности. Как раз то состояние, к которому вы стремитесь. Полный душевный покой. Давайте, ещё одно заточим.

21.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА ГЕНЕРАЛА И СЕКРЕТАРЯ

Кабинет генерала.

Генерал в сопровождении Секретаря врывается в кабинет.

ГЕНЕРАЛ. Нет, это просто возмутительно! Уже слышали! Ограбили! Можно сказать, среди бела дня – сняли шинель! И с кого? И ведь не посмотрели ни на чин, ни на

заслуги. Я и охнуть не успел, как чувствую, кто-то схватил и тащит меня за воротник. Да ещё и приговаривает: «Твоей-то шинели мне и нужно!» Это что же такое творится!?

СЕКРЕТАРЬ. Распорядитесь подать рапорт о происшествии и учинить следствие?

ГЕНЕРАЛ. Так и выявлять ничего не надо. Это вот он сам и был, о котором вы мне давеча докладывали. Он ещё приходил ко мне.

СЕКРЕТАРЬ. Башмачкин? Но ведь он уже как бы и не жив. О чём даже свидетельство имеется.

ГЕНЕРАЛ. Свидетельство... Что!? Что у вас вообще в городе происходит? Мебели у вас летают, мертвецы разбойничают, носы по городу бегают... Распустили! А следствия никакого не надо. На посмешище себя выставлять. Может теперь уже и сам угомонится. Худо ли, генеральская шинель.

СЕКРЕТАРЬ (*протягивает папку с документами.*) Соблаговолите поставить подпись.

ГЕНЕРАЛ (*подписывает бумаги*). Мебели у вас летают... мертвецы разбойничают... носы по городу бегают.... (*Ломает перо.*) Да разве это перо? Это - чёрт знает что, но только не перо! Во всём департаменте не сыскать ни одного порядочного пера. Давайте замок повесим, да и разойдёмся все по домам... Ну где, куда он подевался, как его...

СЕКРЕТАРЬ. Поприщин.

ГЕНЕРАЛ. Да. И где он?

СЕКРЕТАРЬ. Не хотел вас расстраивать. Трёх дней кряду, прямо из присутствия, пришлось с санитарями вывести по причине расстройства рассудка.

ГЕНЕРАЛ. Так очинять перья – там много рассудка и не требуется. Скоро ли его вылечат?

СЕКРЕТАРЬ. Не думаю. *Amplitudinem seductiones.*

ГЕНЕРАЛ. Это ещё что?

СЕКРЕТАРЬ. Мания величия. Он, видите ли, себя, ни больше, ни меньше, как самим испанским королём вообразил. Где уж ему перья нам очинять.

ГЕНЕРАЛ. Прискорбно... Эх, вы меня расстроили.

СЕКРЕТАРЬ. Мне тут один старый знакомец по службе, некий Павел Иванович... Вы его не знаете. Но человек совершенно пользующийся моим доверием... Так вот, этот Павел Иванович рекомендовал мне одного своего протеже. Уверяет, что он просто невероятный искусник в очинке перьев. Я лично проверил. И ведь, действительно, нечто невообразимое! Просто – художник. Что ни пёрышко – произведение искусства. Само в руки просится. А начнёшь писать... Да вот сами не желаете ли испробовать? (*Достаёт и подаёт перо.*)

ГЕНЕРАЛ (*вертит и внимательно разглядывает перо*). Так что же вы сразу не сказали? Это же совсем другое дело. Позвольте. (*Макает перо в чернильницу и делает несколько росчерков на листе бумаге.*)

СЕКРЕТАРЬ. Какой лёгкий ход.

ГЕНЕРАЛ. Просто само бежит... Вы вот что... Вы давайте его прямо сегодня же сюда. И пусть приступает. Премию, подъёмные ему какие-нибудь выпишите. Чтобы мог сообразно службе выглядеть. Дайте ещё лист. Это же одно удовольствие...

(*Продолжает что-то рисовать и чиркать.*) Сегодня же! Немедленно пусть и приступает!

22.

ФИНАЛ

Режиссёр. Яновский, Павел Иванович.

Стол в присутственном месте.

Режиссёр, в партикулярном костюме, сидит за письменным столом и старательно очиняет перо.

Яновский и Павел Иванович со стороны некоторое время в тишине наблюдают за режиссёром.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Николай Васильевич, да верно ли мы поступили? Такая голова и на вечную очинку перьев. Право же, жалко.

ЯНОВСКИЙ. Ну почему же – на вечную? А вы считаете, что там ему было бы лучше? Хоть сегодня холодной воды уже на голову не льют, но - поди, знай - до чего они додумаются завтра. Пусть уж лучше здесь. На виду.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. И всё-таки жалко. Вот, когда стихов не пишет, то очень складно у него это получается. И фантазии такие...

ЯНОВСКИЙ. Ну так, может быть, однажды взбредёт ему в голову какая-нибудь фантазия. А перо - вот оно, как раз всегда рядом. Под рукой.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. Ну, разве что... когда-нибудь...

ЯНОВСКИЙ. Не сомневайтесь, Павел Иванович, непременно придёт... И непременно будет записана. Фантазии, это знаете ли такая вещь, просто так не отмахнёшься.

Режиссёр очиняет перья. Потом в какой-то момент берёт одно из них, проверяет на остроту, ненадолго задумывается...

Затем макает перо в чернила и начинает писать.

РЕЖИССЁР (*пишет и вслух зачитывает написанное*). «ВО ВСЁМ ВИНОВАТ ГОГОЛЬ». Комедия с элементами фантазмагии. Действующие лица...

Действующие лица по мере их представления один за другим выходят на сцену.

РЕЖИССЁР (*продолжает писать и одновременно представлять участников*). Азибек – гастарбайтер, работающий в рекламном агентстве в качестве «живой куклы» в форме «Носа». Совершенно не говорит по-русски.

Появляется Азибек-Нос. В руках у него телефон. Телефон явно неисправен. Азибек крутит его в руке, постукивает...потряхивает... И всё время произносит одну и ту же фразу на узбекском. Можно догадаться, что она означает: «А так слышно?»

РЕЖИССЁР. Николай Васильевич – не лишённый способностей, обаятельный труженик общепита, единственным недостатком которого является абсолютная непохожесть на великого классика.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот только не говорите, что не похож! Ну как? Как можно не узнать классика? Я им и про птицу-тройку... и про другую, которая не каждая долетит... Не поверите - как в первый раз слышат! Приматы.

РЕЖИССЁР. Нос майора Ковалёва. Весьма тщеславный и своевольный молодой человек.

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА. Это же надо такую моду взять – травить носы полицией! Да на него самого надо за это в суд. (*Смотрится в зеркальце.*) И где? В каком месте – приплюснутый! Да как такое можно было сказать?

РЕЖИССЁР. Генерал - значительная особа, недавно произведённая в генеральский чин. Поэтому его часто можно застать напротив зеркала отработывающим на все лады фразу – «Что вам надо?»

Появляется Генерал . Принимает всевозможные позы, при этом произнося с различной интонацией фразу: «Что вам надо?..» «Что вам надо?..»

РЕЖИССЁР. Секретарь – генерала. Человек, который всегда в курсе последних сплетен и новостей в столице.

СЕКРЕТАРЬ. А вот самый последний анекдотец... Поговаривают, что один помещик пригласил к себе на званый ужин господ офицеров, а сам напился, и потом спрятался ото всех в карете...

РЕЖИССЁР. Следователь – очень ответственный работник, искренне пытавшийся разобраться во всей этой истории.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А что, если этот режиссёр окажется прав? А вдруг - действительно? Тогда надо было всё-таки доложить начальству. Или не надо? Да и как такое можно доложить? Но было приказано докладывать. А если кто-то другой доложит? Чтоб вас всех чёрт побрал с вашим ревизором и вместе с этим Гоголем!

РЕЖИССЁР. Павел Иванович – персонаж, настолько хорошо описанный другим литератором, что даже и не стоит пытаться делать это ещё раз.

Выходит Павел Иванович.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ: Всё-таки надо было поинтересоваться жильцами, которые как бы ещё числятся прописанными, но при этом уже съехали...

РЕЖИССЁР. Яновский - путешествующий инкогнито литератор. Не будет преувеличением сказать, что - именно он и виноват во всех описанных событиях!
ЯНОВСКИЙ. Голубчик, вы никого не забыли?

Появляется и ждёт своего выхода Рита.

ЯНОВСКИЙ. Ну же...

РЕЖИССЁР. Рита... Рита... Даже не знаю как сказать...

РИТА. Господи! Ну почему я всегда сама должна за вас говорить? Вы же писатель. Неужели ничего не можете сами придумать? (*Подходит к режиссёру и берёт его под руку.*) Оставьте место, я потом сама допишу.

ЯНОВСКИЙ (*режиссёру*). И последнее!

РЕЖИССЁР (*выходит на авансцену*).

Приехавший инкогнито в Петербург литератор требует вас сей же час к себе!

Последующий текст произносится в разбивку, по несколько слов, каждым из участников представления.

«Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из уст присутствующих; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении»

ХОРОМ: НЕМАЯ СЦЕНА! (*Остаются в окаменении.*)

КОНЕЦ